

О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ.

Вопросъ о греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ помимо своего общаго научнаго интереса особенно долженъ быть близокъ намъ, русскимъ. Между тѣмъ какъ на Западѣ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія труды кардинала Питры и нѣмецкаго ученаго Криста создали цѣлую эпоху въ развитіи этого вопроса и вызвали за границей обширную литературу и живую полемику, у насъ въ Россіи это важное научное событіе прошло какъ-то незамѣченнымъ; не появилось даже болѣе или менѣе полнаго отчета о сущности открытыхъ кардиналомъ Питрою ритмическихъ законовъ церковной поэзіи¹⁾. Благодаря такому молчанію объ этомъ русской ученой литературы, даже имя знаменитаго кардинала далеко не пользуется у насъ заслуженною извѣстностью. Мы какъ-бы даже забыли, что научныя рукописныя сокровища нашихъ-же городовъ, Петербурга и Москвы, дали ученому кардиналу, посѣтившему Россію въ 1859 году, первоначальный ключъ къ разгадкѣ этого труднаго и запутаннаго вопроса.

Въ своей статьѣ мы и хотимъ заняться этимъ малоизвѣстнымъ у насъ вопросомъ. Мы рассмотримъ сначала положеніе и развитіе его въ наукѣ, послѣ этого перейдемъ къ открытію кардинала Питры, затѣмъ къ главнымъ законамъ ритмической поэзіи церковныхъ пѣснопѣній и, наконецъ, познакомимся съ вопросомъ о происхожденіи выше упомянутыхъ ритмическихъ законовъ церковно-греческой поэзіи.

1) Въ 1876 году проф. Ловягинъ въ торжественномъ собраніи Петербургской Духовной Академіи произнесъ рѣчь «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (Христіанское Чтеніе. 1876. I стр. 431—491); но эта рѣчь, которая касалась теорій кардинала Питры и Криста, была произнесена послѣ появленія только перваго общаго труда Питры по греческой гимнографіи и до появленія его знаменитаго *Spicilegium Solesmense*, гдѣ кардиналъ подробно изложилъ главныя основанія своей теоріи.

I.

Историческое развитіе вопроса о формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

«Поэзіи въ собственномъ смыслѣ слова», говоритъ одинъ ученый, «византійцы не знали; она у нихъ никогда и не существовала. Всякіе слѣды поэтическаго настроенія, всякій вкусъ и пониманіе благороднаго искусства и простоты формъ отсутствовали въ греческомъ средневѣковѣ, застывшемъ въ схоластикѣ»¹⁾. Такой безпощадный приговоръ одного изъ первѣйшихъ представителей классической науки можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ его время не были извѣстны тѣ произведенія, которыя составляютъ настоящую оригинальную поэзію Византіи. Византійская литература обращала на себя вниманіе ученаго міра по столько, по сколько она имѣла отношеніе къ литературѣ древнихъ классиковъ; изъ византійской поэзіи преимущественно занимались большими стихотворными романами, поэтическими описаніями намятниковъ, эниграммами и дидактическими стихотвореніями. Между тѣмъ тѣ роды поэзіи, которые вышли изъ тайника новой оригинальной жизни христіанско-византійскаго народа, оставались въ сторонѣ; ими совершенно не занимались и не интересовались. Дѣйствительно, эта новая поэзія не слѣдовала образцамъ классической древности, не вносила въ изученіе послѣдней какихъ-либо новыхъ разъясненій и открытій, а шла и развивалась своею особою дорогою и тѣмъ доказала неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые утверждали, будто-бы священный огонь поэзіи совершенно угасъ въ безжизненной, мертвой Византіи. Къ такимъ оригинальнымъ произведеніямъ византійской творческой силы принадлежитъ церковная и народная поэзія. Первая возникла изъ совершенно новыхъ принциповъ христіанской религіи, подъ впечатлѣніемъ ея чудодѣйственныхъ побѣдъ, геройства и стойкости мучениковъ вѣры, подъ вліяніемъ ея высокихъ тайнъ. Вторая-же выросла изъ своеобразно сложившихся условій византійской народной жизни. Отличительнымъ признакомъ этихъ двухъ новыхъ родовъ поэзіи былъ полный разрывъ по формѣ и содержанію

1) Bernhardt. Grundriss der Griechischen Litteratur. Dritte Bearbeitung. II 2 (1880) S. 771.

съ греческой традиціей. Оба они считали недостойнымъ подражать древнимъ образцамъ; оба облакали новый предметъ въ новыя формы; оба были тѣсно связаны живымъ чувствомъ современнаго народа; оба были кровь и духъ отъ крови и духа христіанскихъ ромеевъ¹⁾.

Изъ этихъ двухъ родовъ церковная поэзія далеко превосходитъ по достоинству поэзію народную. Изъ большого числа византійскихъ поэтическихъ произведеній только одна церковная поэзія представляетъ изъ себя процессъ полнаго развитія съ совершенно ясными признаками періодовъ зарожденія, расцвѣта и упадка²⁾.

Занимаясь въ настоящей статьѣ вопросомъ о размѣрѣ византійской церковной поэзіи, мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ размѣрахъ, которые встрѣчаются вообще въ поэтическихъ произведеніяхъ византійскаго времени.

За это время можно различать три главныхъ рода стихосложенія: 1) перешедшее изъ древности стихосложеніе на основаніи законовъ долготы и краткости слоговъ. Изъ многочисленныхъ размѣровъ классической литературы средневѣковые греки употребляли преимущественно ямбическій триметръ, рѣдко дактилическій гексаметръ, элегическій дистихонъ и анакреонтическій диметръ и триметръ. Но надо замѣтить, что эта основанная на долготѣ и краткости слоговъ поэзія была чужда живому, разговорному среднегреческому языку, гдѣ всякое различіе между долгими и краткими слогами уже исчезло. Поэтому такая поэзія всегда являлась въ Византіи чѣмъ-то механическимъ, искусственнымъ; она не могла пустить корней въ современномъ среднегреческомъ языкѣ, который выставилъ свой способъ стихосложенія, основанный на обычномъ удареніи словъ. 2) Ритмическая система. Эту систему создала церковная поэзія и почти исключительно она одна и примѣняла ее. Объ этомъ размѣрѣ, основанномъ на числѣ слоговъ и удареній, мы подробнѣе скажемъ ниже. 3) Политическая система. Политическіе стихи имѣютъ общее съ ритмическими въ томъ отношеніи, что они не подчиняются законамъ классическаго стихосложенія, основаннаго на долготѣ и краткости слоговъ, и отличительнымъ своимъ признакомъ имѣютъ непрерывное повтореніе совершенно одинаковыхъ по числу слоговъ стиховъ (ποίημα κατὰ στίχον). Политическіе стихи до X вѣка встрѣчаются въ Византіи до-

1) Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München. 1891. S. 292—293.

2) Krumbacher. op. cit. S. 293.

вольно рѣдко, такъ что эта система развилась уже въ позднѣйшее время¹⁾.

Если бы византійская церковная поэзія слѣпо слѣдовала древнимъ образцамъ, то она, чуждая по своей формѣ греческому народу, никогда не поднялась-бы до той высоты, которой она достигла благодаря новой формѣ. «Эта послѣдняя, отвѣчая народному языку и духу», говоритъ Крумбахеръ, «какъ-бы волшебною силою снова пробудила поэтическую силу грековъ и придала уже нѣмбующему языку его прежнюю силу»²⁾.

Интересна судьба, постигшая ритмическую поэзію. Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній ускользалъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отъ вниманія европейскихъ ученыхъ, хотя на практикѣ греки въ своихъ пѣснопѣніяхъ всегда его придерживались. Эта неудача объяснить размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній объясняется тѣмъ, что ученые, стараясь разрѣшить этотъ вопросъ, подходили къ нему съ заранѣе опредѣленною цѣлью не выступать въ своихъ изслѣдованіяхъ за предѣлы греческой и римской классическихъ литературъ. Къ греческимъ пѣснопѣніямъ они хотѣли непременно приложить какой-нибудь изъ классическихъ размѣровъ, которые являлись результатомъ извѣстнаго сочетанія краткихъ и долгихъ слоговъ, тогда какъ размѣръ духовной греческой поэзіи, какъ и размѣры большинства современныхъ народовъ, зависѣлъ отъ обычнаго ударенія словъ и числа слоговъ, разсматриваемыхъ независимо отъ ихъ долготы или краткости. Если-же смотрѣть на поэзію греческихъ пѣснопѣнцевъ съ точки зрѣнія классической метрики, то это свело-бы всю литургическую поэзію средневѣковыхъ грековъ къ тремъ ямбическимъ канонамъ Иоанна Дамаскина на праздники Рождества, Богоявленія и Троицы³⁾.

1) Подробнѣе о размѣрахъ въ Византіи см. Krumbacher. G. d. V. L. S. 300—303.

2) Krumbacher op. cit. S. 307. Главные труды по вопросу о церковныхъ пѣснопѣніяхъ слѣд.: I. B. Pitra «Hymnographie de l'église grecque». Rome. 1867. W. Christ et M. Paraniikas «Anthologia Graeca carminum Christianorum». Lipsiae. 1871. I. B. Pitra «Analecta Sacra spicilegio Solesmensi parata», t. I. Parisiis. 1876. Послѣ работъ Питры и Христа появились подробныя статьи объ ихъ результатахъ: Stevenson «L'hymnographie de l'église grecque» (Revue des questions historiques II (1876) 482—543). Jacobi «Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes» (Zeitschrift für Kirchengeschichte, herausgeg. v. Brieger. 5 (1882) 177—250). Kupitoris «Περὶ τοῦ ῥυθμοῦ ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ τῆς ἐλληνικῆς ἐκκλησίας». (Bulletin de Correspondance hellénique 2 (1878) 372—391). Послѣдняя статья есть собственно рефератъ по поводу статьи Стевенсона. О другихъ работахъ мы будемъ упоминать ниже при случаѣ.

3) Каноны эти см. у Migne. Patrologia Graeca. T. 96, p. 817—840. Christ et Paraniikas «Anthologia graeca carminum christianorum», p. 205—217. Болѣе исправно

Большинство ученыхъ за послѣднія три столѣтія пришло къ заключенію, что всѣ церковныя греческія пѣснопѣнія написаны прозой, хотя въ словахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей и проглядываетъ иногда желаніе видѣть въ пѣснопѣніяхъ стихи, а не прозу.

Ученѣйшій грекъ своего времени Левъ Алляцій (1586—1669), начальникъ Ватиканскаго архива, префектъ Ватиканской бібліотеки, казалось, былъ призванъ разрѣшить загадку размѣра церковныхъ пѣснопѣній въ своей диссертациі «О пѣснопѣвцахъ» (*De melodis*), которая была имъ обѣщана, но, кажется, не написана. Если дѣйствительно она существовала, то потеря ея весьма ощутительна для науки. Фабрицій въ своей греческой бібліотекѣ оплакиваетъ эту потерю¹⁾. Въ недавнее время кардиналъ Май, несмотря на тщательные, долгіе поиски, не нашелъ ни малѣйшаго слѣда упомянутой диссертациі. Надо полагать, что она оставалась только въ проектѣ у знаменитаго элениста. Въ своихъ двухъ специальныхъ диссертацияхъ о греческихъ церковныхъ книгахъ²⁾ Алляцій ни словомъ не упоминаетъ о размѣрѣ греческихъ пѣснопѣвцевъ и тѣмъ показываетъ, что онъ произведенія ихъ не отличалъ отъ обычной прозаической формы³⁾.

Кардиналъ Бароній, повидимому, могъ нѣсколько освѣтить этотъ темный вопросъ. Приведя подъ 842 годомъ два канона на Праздникъ Православія, Бароній, или Fed. Metius, который переводилъ ему греческіе тексты, замѣчаетъ, что въ рукописи этихъ каноновъ находится пунктуациа, которая иногда идетъ совершенно въ разрѣзъ со смысломъ и которая, повидимому, служитъ для сохраненія извѣстнаго размѣра⁴⁾. Но далѣе этого замѣчанія Бароній не пошелъ.

Баварскій иезуитъ Симонъ Вагнерекъ (*Simon Vagnereck* или

каноны эти изданы проф. Никитинымъ по бумагамъ покойнаго академика А. К. Наука въ *Mélanges gréco-romains* VI, 199—223 = *Bulletin de l'Académie* XXXVI, p. 105—129.

1) *Fabricii-Harlesii. Bibliotheca Graeca*. 1808, t. XI, p. 443: desiderantur saepe promissa ab Allatio, sed nunquam edita opera... *De Melodis Graecorum*.

2) *De rebus ecclesiasticis Graecorum*. Rom. 1644. Paris. 1646.

3) Pitra «*Hymnographie de l'église grecque*», p. 3—4. Stevenson, op. cit. p. 489—490. О жизни и ученой дѣятельности Алляція см. Васильевскій «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи». Вып. I. СПб. 1890, ст. 46—52. Legrand *Bibliographie hellénique*, t. III. Paris. 1895, p. 435—471. Краткій перечень ученыхъ мнѣній о формѣ церковныхъ пѣснопѣній, составленный на основаніи вышеназванной книги Питры, можно найти въ рѣчи проф. Ловягина «О формѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній» (*Христіанское Чтеніе*. 1876. I, с. 431—491).

4) *Baronii. Annales Ecclesiastici*, t. IX ed. Moguntiae MDCL, p. 1054... (*Hymnus* hac de causa ita est interpunctis distinctus pro servando rythmo, ut sententiae ipsae aliquando pervertentur.

Vagnereck) въ предисловіи къ своему сочиненію «*Pietas Mariana*»¹⁾ говоритъ, что при внимательномъ чтеніи Миней онъ слышалъ какъ-бы голосъ неизвѣстной музыки. Но желая найти въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ политическіе стихи, онъ потерпѣлъ неудачу и сдѣлалъ заключение, что всѣ оды, вошедшія въ составъ Миней, состоятъ изъ чистѣйшей прозы²⁾.

Товарищъ и соотечественникъ баварскаго иезуита, ингольштадтскій профессоръ Гретсеръ, жившій въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка въ своемъ сочиненіи «*De Sancta Cruce*», въ которое вошли многочисленныя сказанія о происхожденіи и исторіи крестнаго древа, пришелъ къ заключенію, что главный законъ гимнографіи—это произволь³⁾. Болландистъ Папелброкъ видѣлъ въ канонахъ отсутствіе всякаго рода размѣра⁴⁾. Въ *Acta Sanctorum* вопросъ о размѣрѣ греческихъ пѣснопѣній на этомъ и остановился⁵⁾.

Ипполитъ Мараччи, составившій цѣлый томъ изъ отрывковъ пѣснопѣній св. Іосифа, и кардиналъ Кверини не сдѣлали больше своихъ предшественниковъ и видѣли въ пѣснопѣніяхъ одну лишь прозу⁶⁾.

Два бенедиктинца *Dom Toustain* и *Dom Tassin*, занимаясь приготовленіемъ къ изданію произведеній Θεодора Студита, написали кардиналу Кверини длинное письмо, напечатанное въ 1744 году, гдѣ утверждали, что Триодъ⁷⁾, какъ и другія церковныя греческія книги,

1) *Pietas Mariana. Monachii*. 1647.

2) *Non ambigam Menaeorum innumeras odas, in quibus nullum jambi vestigium lucet, in suis omnibus strophis ex mera omnino prosa constare (Pietas Mariana, praef. p. 32). См. Pitra, Hymnographie de l'église grecque, p. 4. Stevenson, op. cit., p. 488. Krumbacher, op. c. s. 331.*

3) *Lex potissima videtur esse hymnographi voluntas, praesertim si syllabarum modulorum et quantitatem spectes. См. Pitra, op. cit., p. 5. Stevenson, p. 488. Krumbacher, p. 331.*

4) *Certe nulli poetico metro astrictos Graecorum canones potuisse non magna contentione animi ad certas litteras, in cujusque strophae principio inveniendas, adstringi ab eo, cui liberum esset strophas singulas, nullo inter se ordine connexas, a quacumque liberet voce ordiri, ipsi didicimus experiendo (Acta Sanctorum Aprilis, t. I, p. 268, въ предисловіи къ житію св. Іосифа Гимнографа 3 апр.).*

5) См. Pitra, op. c., p. 5. Stevenson, p. 488.

6) *Hipp. Maracci Mariale S. Iosephi hymnographi. Romae. 1661. C. Querini. Officium quadragesimale recognitum et castigatum. Romae. 1721. См. Pitra, op. c., p. 6—8.*

7) Триодью въ церковномъ обиходѣ называются двѣ богослужбеныя книги, содержащія въ себѣ службы съ измѣняемыми молитвословіями для подвижныхъ дней годичнаго круга Богослуженія; въ числѣ молитвъ въ нихъ находятся трипѣснцы, т. е. неполные каноны, состоящіе не изъ 9 или 8 пѣсней, а изъ трехъ (трипѣснцы), изъ четырехъ (четырепѣснцы) и изъ двухъ (двупѣснцы). Отъ канонныхъ-трипѣснцевъ триодъ (τρίοδος) и получила свое названіе. Триодей двѣ—постная и цвѣтная; первая

представляетъ изъ себя совершенно правильные классическіе стихи съ подражаніемъ древнимъ драматическимъ поэтамъ. Но авторы письма обѣщали больше, чѣмъ могли сдѣлать, и ихъ стараніе найти въ тронаряхъ размѣръ трагическихъ хоровъ и драматическихъ и лирическихъ греческихъ стиховъ осталось безуспѣшнымъ¹⁾. Знаменитый ученый доминиканецъ Жакъ Гоаръ (Goar, 1601—1653), близкій другъ Алляція и одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ парижскаго изданія византійцевъ, въ своемъ извѣстномъ греческомъ Молитвенникѣ (Евхологій), разсуждая о канонѣ, ирмосѣ и тропаряхъ²⁾, замѣчательно вѣрно отмѣтилъ одну особенность церковныхъ пѣснопѣній, легшую впоследствии въ одно изъ двухъ главныхъ основаній теоріи кардинала Питры. Гоаръ говоритъ, что греки запоминаютъ твердо общія по словамъ и напѣву пѣснопѣнія и къ послѣднимъ, какъ къ образцамъ, примѣняютъ другія пѣснопѣнія, состоящія изъ одинаковаго съ ними числа слоговъ³⁾.

Ученикъ Алеманна, издателя Тайной Исторіи Прокопія, Францискъ Аркудій, извѣстный впоследствии своею дѣятельностью по укрѣпленію уніи въ Литовской Руси, куда его два раза посылали изъ Рима⁴⁾, и знаменитый Дюканжъ въ своемъ греческомъ глос-

заключаетъ въ себѣ службы съ молитвословіями для подвижныхъ дней трехъ приготовительныхъ недѣль къ Великому посту, начиная съ воскресенья недѣли Мытаря и Фарисея и самого Великаго поста, вторая же для подвижныхъ дней, начиная днемъ Пасхи и кончая недѣлею Всѣхъ Святыхъ.

1) Pitca, op. c., p. 6—8.

2) Канономъ называется пѣснопѣніе, составленное по извѣстному правилу (κανών—правило) и состоящее изъ нѣсколькихъ пѣсней (ψαλμοί), именно изъ девяти или чаще восьми (вторая пѣснь обыкновенно выпускается). Каждая пѣснь содержитъ въ себѣ нѣсколько стиховъ, изъ которыхъ первый называется ирмосомъ (εἰρμός—связь); послѣдній служитъ образцомъ, или какъ бы связью для всѣхъ послѣдующихъ стиховъ. Объ ирмосѣ подробнѣе будетъ идти рѣчь ниже. Слѣдующіе стихи за ирмосомъ называются тропарями канона (τροπάρσιον); послѣднее слово происходитъ отъ греческаго τροπός, которое на техническомъ музыкальномъ языкѣ древнихъ грековъ и позднѣйшихъ византійскихъ писателей означаетъ тоже, что ἦχος и εἶδος, ладъ, строй пѣнія, гласъ; τροπάρσιον есть уменьшительная форма отъ τροπός.

3) Goar. Euchologium sive Rituale Graecorum... Paris. 1647; болѣе доступно венеціанское изданіе, editio secunda expurgata et accuratior. 1730, которымъ мы и пользовались. Communes ideo, et verbis et cantu, memoriae tenaciter infigunt Hymnos, ad quorum postquam alios pari syllabarum numero constantes cantando inflectunt... (Euch., p. 351). Питра не отмѣтилъ этого мѣста въ своей работѣ, замѣтивъ только, что Гоаръ придерживается Алляція (Hymn., p. 8). Ср. Ловягинъ въ Христ. Чт. 1876, стр. 451—452.

4) Объ Аркудіи см. Fabricii-Harlesii. Bibliotheca Graeca. 1808, t. XI, p. 448—450. Legrand. Bibliographie hellénique, t. III, 1895, p. 232—238. У Аркудія нашего вопроса касается сочиненіе De concordia ecclesiae occidentalis et orientalis. Libri VII.

саріи¹⁾ ничего новаго не прибавили по интересующему насъ вопросу; они придерживались мнѣнія Гоара и Алляція.

Въ XIX столѣтіи вопросъ этотъ оставался прежнею загадкой. Ученые базилианцы итальянскаго монастыря Гроттаферрата издали въ формѣ прозы греческіе гимны на безпорочное зачатіе Дѣвы Маріи²⁾. Извѣстный византологъ Тафель издалъ какъ прозаическій текстъ два канона Евстафія Солунскаго³⁾. Кардиналъ Май въ формѣ прозы издалъ нѣкоторые каноны Іоанна Дамаскина и Тріодъ, приписанную имъ св. Софронію⁴⁾.

Интересно, что даже послѣ появленія труда кардинала Питры, составившаго эпоху въ исторіи вопроса о размѣрѣ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній и доказавшаго, что послѣднія подчинялись законамъ особаго, оригинальнаго стихосложенія, были люди, которые придерживались стараго мнѣнія. Князь Гагаринъ, уѣхавшій въ половину нынѣшняго столѣтія за границу и тамъ принявшій католицизмъ, думаетъ, что греческіе пѣснопѣвцы писали въ прозѣ, при чемъ проиически добавляетъ, что стихи, подобные стихамъ пѣснопѣвцевъ, можно найти и въ официальной части Moniteur'a⁵⁾. Еще въ 1879 году ученый грекъ Саа (Sathas) считаетъ форму церковныхъ гимновъ за неразрѣшенную загадку⁶⁾. Въ томъ же году нашъ неутомимый па-

Paris. 1826. Подробнѣе объ этомъ сочиненіи см. у Legrand. Bibl. hell., t. I. 1894 p. 205—216. Интересное посвященіе этой книги польскому королю Сигизмунду III, гдѣ встрѣчаются неоднократныя упоминанія о польско-русскихъ отношеніяхъ того времени, приведено цѣликомъ въ латинскомъ подлинникѣ у Леграна (т. I, с. 206—211). О дѣятельности Аркудія въ Литовской Руси существуютъ и русскіе документы. См. Акты Зап. Россіи. IV, № № 141 и 155.

1) См. ego Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. 1688. Vol. I, p. 356, 706.

2) De immaculata Deiparae conceptione Hymnologia Graecorum. Romae. 1862. См. Stevenson, p. 489.

3) Eustathii Metropolitae Thessalonicensis opuscula edidit T. L. F. Tafel. Francof. 1832, p. 36 sq.; 166 sq.

4) Mai «Spicilegium Romanum», t. IX, pp. XXI—XXII и 713—739; t. IV, pp. 126—225. Кардиналъ Май ошибся, считая авторомъ Тріоди св. Софронію. См. статью Параники (Paranikas) «Ueber das angebliche Triodion des h. Sophronius» (Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1870. II, s. 53—74), гдѣ авторъ доказываетъ, что напечатанная у кардинала Май тріодъ принадлежитъ не св. Софронію, іерусалимскому патріарху VII вѣка, а одному изъ болѣе позднихъ пѣснопѣвцевъ и вѣроятно всего пѣснопѣвцу IX вѣка св. Іосифу. (Paranikas, op. c. s. 56, 73).

5) P. Gagarin. «Etudes religieuses et littéraires des pères jésuites». 1868, p. 341.

6) Sathas. Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν. 1879. σελ. ρν': οὐδένως μέχρι τοῦδε δουηθέντος νὰ μαντεύσῃ τὸ μέτρον ἢ τὸν παλαιὸν ῥυθμὸν αὐτῶν.

леографъ архимандритъ Амфилохій издалъ по рукописи московской синодальной библіотеки большое количество кондаковъ и икосовъ¹⁾, принадлежащихъ перу византійскихъ пѣснопѣвцевъ; но онъ ничего не говоритъ о размѣрахъ изданныхъ имъ пѣснопѣній и печатаетъ ихъ въ видѣ прозы²⁾. Даже въ 1889 году Перцъ (Pertsch) издалъ довольно много канонѣвъ, считая ихъ настоящею прозою³⁾.

Тѣмъ не менѣе, кромѣ Гоара, были люди, которые вѣрно угадывали главные законы греческой церковной метрики. Въ первой половинѣ нашего столѣтія грекъ Константинъ Икономосъ, рассуждая о политическихъ стихахъ, замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ греческихъ пѣснопѣніяхъ строфы состоятъ изъ стиховъ, которые различаются по ударенію и числу слоговъ⁴⁾. Такимъ образомъ здѣсь являются отмѣченными два основныхъ элемента греческой церковной метрики. Нѣсколько позднѣе извѣстный составитель византійско-греческаго словаря Софоклисъ говоритъ, что тропари бывають или въ прозѣ, или въ стихахъ; послѣдніе состоятъ изъ ряда ритмическихъ, основанныхъ на удареніи стиховъ; въ древнихъ изданіяхъ, какъ и въ руко-

1) Кондакомъ называется обыкновенно краткое церковное пѣснопѣніе, заключающее въ себѣ краткое содержаніе праздника или жизни святаго. Икосъ-же представляетъ изъ себя пѣснопѣніе гораздо болѣе обширное, чѣмъ кондакъ, и заключаетъ въ себѣ продолженіе описываемаго въ кондакѣ праздника или жизни святаго. Относительно происхожденія слова кондакъ (греч. *κοντάκιον*, *κοντάκιον*) ученые расходятся. Дюканжъ производитъ его отъ слова *κοντός*, короткий, маленький (Glossar. Graec. v. I, p. 706). Различныя объясненія этого слова см. у Питры. *Anat. Sac. t. I, p. X—XI*. Не менѣе загадочно происхожденіе слова икосъ (греч. *ἰκός*—домъ). Можетъ быть, это слово заимствовано съ Востока. У евреевъ, арабовъ и сирійцевъ слово *домъ* обозначаетъ строфу, стихотвореніе (Pitra, p. XI). Ср. у армянъ слово *тунъ*—домъ въ смыслѣ строфы (Эминъ. Шараханъ. Богослужебные каноны и пѣсни арм. вост. церкви. Москва. 1879, с. VIII), у итальянцевъ *stanza* (Diez. Wörterbuch der rom. Sprachen). См. объ этихъ словахъ также у Christ и Paganikas «Anthologia», p. LXVI—LXVII, гдѣ можно найти объясненія и другихъ видовъ церковныхъ пѣснопѣній (p. LIV—LXXIII).

2) Амфилохій. Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской синодальной библіотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ переводѣ. Москва. 1879. См. суровый отзывъ объ этомъ изданіи у Крумбахера въ его Исторіи Визант. литер., стр. 309 и 330. Въ русской литературѣ на трудъ Амфилохія существуетъ подробная рецензія Мансветова (Прибавл. къ твореніямъ св. Отцевъ, изд. при Моск. духов. акад. 1880, кн. II, с. 482—503 и кн. IV, с. 1055—1069).

3) *Blätter für Hymnologie*. 1889, № 2—4. См. Krumbacher, op. c. S. 331. О болѣе равныхъ, менѣе значительныхъ писателяхъ по этому вопросу, сужденія которыхъ не привели ни къ какимъ результатамъ, см. у Pitra «Hymnographie de l'église grecque», p. 8—10.

4) *Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης. Βιβλίον συνταχθέν ὑπὸ τοῦ αἰκονόμου Κωνσταντίνου Προβυτέρου. Ἐν Πετροπόλει. 1880, p. 667—669.*

писяхъ, ихъ отмѣчаютъ точками¹⁾. Конечно, эти вѣрныя замѣчанія двухъ грековъ нужно было развить, обобщить, чего они не сдѣлали.

Въ русскихъ сочиненіяхъ по греческимъ пѣснопѣніямъ Флоринскаго и Филарета для вопроса о метрикѣ этихъ пѣснопѣній ничего нельзя найти²⁾. Профессоръ Ловягинъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ своей книги «Богослужебные каноны», греческій текстъ которыхъ по большей части заимствованъ изъ венеціанскаго изданія богослужебныхъ книгъ, печатаетъ ихъ въ видѣ настоящей прозы. Относительно внѣшняго вида канонѣвъ профессоръ Ловягинъ говоритъ, что одни изъ нихъ писаны краснорѣчивою и искусно составленною прозою, а нѣкоторые и стихами³⁾, при чемъ надо замѣтить, что послѣднее относится только къ тремъ извѣстнымъ ямбическимъ канонамъ Іоанна Дамаскина.

Если громадное большинство ученыхъ считаетъ произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ чистѣйшею прозою, то интересно посмотрѣть, какъ сами средневѣковые греки смотрѣли на свои церковныя пѣснопѣнія. Извѣстный лексикографъ X вѣка Сuida говоритъ объ Іоаннѣ Дамаскинѣ, что среди многочисленныхъ произведеній этого знаменитаго писателя, особенно философскихъ, встрѣчаются каноны, предназначенные для пѣнія: одни, написанные ямбическимъ размѣромъ, другіе—прозою⁴⁾. Здѣсь Сuida, строго различая просодическую поэзію отъ поэзіи пѣснопѣвцевъ, сводитъ написанныя Іоанномъ Дамаскинымъ ритмическія произведенія къ тремъ вышеупомянутымъ его канонамъ на Рождество, Богоявленіе и Троицу.

XI и XII вѣка были богаты комментаторами церковныхъ произ-

1) Sophocles. A Glossary of later and Byzantine greek. Cambridge. 1850, praef., p. 53. Надо замѣтить, что въ слѣдующихъ изданіяхъ своего словаря въ 1870 и 1888 годахъ уже подъ заглавіемъ *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods* Софоклисъ отказывается отъ своего вѣрнаго опредѣленія и называетъ тропари обыкновенною или ритмическою прозою (p. 1096, изд. 1888 г.).

2) Флоринскій. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній Православной восточной церкви. Москва. 1860. См. стр. 41—42. Филаретъ Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изд. съ дополненіями. Черниговъ. 1864.

3) Ловягинъ. Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. 1-е изд. въ 1855—1856 гг. 3-е изд. въ 1875 году. См. с. II—III и passim. Въ вышеупомянутой своей рѣчи Ловягинъ является яркимъ противникомъ теоріи Питры.

4) *συγγράμματα αὐτοῦ πάνυ πολλὰ καὶ μάλιστα φιλόσοφα, εἰς τὰ θείαν γραφὴν παράλληλοι κατ' ἐκλογὴν, καὶ οἱ ἀσματικοὶ κανόνες ἰαμβικοὶ τε καὶ καταλογέδην.* (Suidas. Lexicon подъ словомъ Ἰωάννης Δαμασκηνός. ed. Bernbardy, t. I, pars II, p. 1028—1029; ed. Bekkeri, p. 545).

веденій болѣе раннихъ авторовъ. Извѣстно, что еще Козьма Иерусалимскій въ VIII вѣкѣ и Никита Давидъ, епископъ въ Пафлагоніи въ IX вѣкѣ, приложили свои комментаріи къ труднѣйшимъ стихотвореніямъ Григорія Назіанзина. Въ XII вѣкѣ историкъ Зонара объяснялъ Воскресные каноны (Αναστάσιμοι κανόνες) Иоанна Дамаскина; комментаторъ Гомера Евстацій Θεσσαλονικскій подробно объяснялъ гимнъ на Троицу того-же Иоанна; поэтъ Θεодоръ Продромъ и грамматикъ Григорій Коринескій оставили большіе ученые комментаріи къ канонамъ двухъ знаменитыхъ подвижниковъ монастыря св. Саввы — Иоанна Дамаскина и Козьмы Иерусалимскаго¹⁾. Такъ, Θεодоръ Продромъ въ своихъ схоліяхъ на Рождественскій канонъ Иоанна Дамаскина, написанный, какъ извѣстно, древнимъ ямбическимъ размѣромъ, дѣлаетъ различіе между этимъ канономъ и канономъ Козьмы, говоря, что Иоаннъ, какъ-бы на лирѣ Орфея или китарѣ Димодока, воспѣваетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ ямбахъ, праздникъ Рождества Христова, который передъ тѣмъ великій и божественный Козьма воспѣлъ хотя и въ прозѣ, во съ достоинствомъ и величіемъ²⁾. Григорій Коринескій, сравнивая два ямбическихъ канона Иоанна Дамаскина на Рождество и Богоявленіе съ соотвѣтствующими канонами Козьмы, говоритъ, что послѣдніе написаны прозою³⁾.

Итакъ, изъ приведеннаго свидѣтельства трехъ писателей византийскаго средневѣковья можно заключить, что они большую часть своихъ церковныхъ пѣснопѣній считали прозою. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что произведенія, написанныя, по свидѣтельству этихъ писателей, прозою, противопоставляются ими произведеніямъ, написаннымъ древнимъ размѣромъ. Можетъ быть, для нихъ все, что отступало отъ древнихъ классическихъ образцовъ, было прозою. Можетъ быть, новый размѣръ церковныхъ пѣснопѣній, какъ

1) Комментаріи Евстація и Зонары изданы у кардинала Май (Mai) Spicilegium Romanum V (1841) 2 p. 161—383. Комментаріи Θεодора Προδρομου у Май S. R. V, p. 390—396; у Migne Patr. gr., t. 133, p. 1229—1236. Часть комментарий Θεодора издана съ предисловіемъ Питры ко дню папскаго юбилея въ 1888 году Stevenson. Theodori Prodromi commentarios in carmina sacra melodorum Cosmae Hierosolymitani et Ioannis Damasceni... praefatus est I. B. Pitra. ed. Stevenson. Roma. 1888. См. рецензію на послѣднюю книгу въ Revue Critique. 1889. I, p. 265—268.

2) Αὐτὴν τὴν Χριστοῦ γενεθλίων πανήγυριν, ἣν προέμελψεν ὁ μέγας καὶ θεῖος Κοσμάς δι' ἄμετρον, ἀξιοματικόν δὲ καὶ ὑψηλότατον, ἐμμέτρως καὶ δι' ἰάμβων, μετρημέλπειται ὁ Δαμασκηνὸς ἀπὸ λύρας ὀργανῆς, εἶπεν ἄν τις ἡ Δημοδόκου κίθαραι. (Stevenson въ Revue des questions historiques. 11 (1876), p. 491).

3) περὶ λόγῳ, τῷ ἄμετρον δηλαδὴ, γεγραμμένοι... (Stevenson, op. c. p. 491).

всѣмъ и каждому въ средніе вѣка извѣстный, по мнѣнію тогдашнихъ писателей, вовсе и не нуждался въ комментаріяхъ. Что для средневѣковыхъ писателей являлось очевиднымъ, то для послѣдующихъ ученыхъ и изслѣдователей превратилось въ долго неразрѣшенную загадку¹⁾. Можно привести свидѣтельства средневѣковыхъ писателей, изъ которыхъ видно, что пѣснопѣнія должны были имѣть опредѣленный размѣръ и извѣстное количество слоговъ для сохраненія мелодіи (ирмоса) даннаго пѣснопѣнія. Объ этомъ говоритъ въ своихъ комментаріяхъ Зонара²⁾. Θεодосій Александрійскій грамматикъ, открытый въ 1867 г. въ одномъ изъ Барберинскихъ кодексовъ кардиналомъ Питрою, говоритъ въ своихъ схоліяхъ, по всей вѣроятности, на грамматика Діонисія Θρακίйскаго³⁾, что желающій составить канонъ долженъ сначала написать тропари, которые бы имѣли одинаковое число слоговъ и одинаковое удареніе съ ирмосомъ⁴⁾. Уже это одно такое значеніе ирмоса, или руководящаго мелодію пѣснопѣнія, ставитъ извѣстныя, весьма опредѣленныя границы произволу писателей. Очевидно, это не была проза, какъ ее понимаемъ мы.

Такія готовыя мелодіи сохранялись въ греческой церкви и служили образцами для послѣдующихъ пѣснопѣній до самаго позднѣйшаго времени. Въ XIII вѣкѣ, на примѣръ, былъ составленъ большой канонъ въ честь Божіей Матери императоромъ Θεодоромъ Ласкарисомъ, который буквально придерживался ирмосовъ, взятыхъ имъ у Козьмы и Иоанна Дамаскина. То же самое можно видѣть въ XIV в.

1) Ср. Stevenson въ Revue des Questions Hist. 11 (1876), p. 492—495.

2) См. опредѣленіе ирмоса Зонарой: ὁ μὲν εἰρμός ἀρμονία τίς ἐστι μέλους, ἐν συνθέσει φωνῆς, ἐνάριθρον τε καὶ σημαντικῆς, ὠρισμένῳ τινὶ μέτρῳ καὶ ποσῶ μεγέθους περιγραφόμενῃ ἣτις ἀρμονία προωρισμένη τε καὶ προσγνωσμένη προῦπόκειται, πρὸς ἣν τὰ λεγόμενα τροπάρια ἀναφέρεται. Этотъ текстъ напечатанъ пѣскольکو иначе у Mai, Spicilegium Romanum, t. V, 2, p. 384. Migne Patr. Gr., t. 133, p. 424. Christ «Hirmos in der byzant. Poesie» (Sitzungsberichte der bayer. Akademie der Wiss. 1870, II, S. 76). Pitra. Analecta Sacra. Proleg., p. XLVII—XLVIII. У Питры приложенъ латинскій переводъ этого труднаго мѣста.

3) См. Stevenson. 504.

4) οἷον ἐάν τις θελήσῃ ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἰρμόν, εἶτα ἐπιγαγεῖν τὰ τροπάρια ἰσοσυλλαβοῦντα καὶ ὁμοτονοῦντα τῷ εἰρμῶ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσώζοντα. См. Pitra. Anal. Sacra. Proleg., p. XLVII. Его же Hymnographie de l'église grecque, p. 31—32. Stevenson, p. 504—505. Christ. Sitzungsber. d. bayer. Ak. d. W. 1870, II, S. 100. Питра переводитъ это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: si quelqu'un peut faire un canon, qu'il fixe d'abord le mode de l'hirmos, qu'ensuite il dispose les tropaires en conformant à l'hirmos le nombre des syllabes et le mode musical, et qu'il atteigne ainsi son but (Hym. de l'égl. gr. 31—32).

въ канонѣ патриарха Филовея († 1379) на службу въ честь Григорія Паламы¹⁾.

Наконецъ, когда въ 1869 г. греческая церковь причислила къ лику святыхъ патриарха Фотія (6 февраля) и Марка Эфесскаго (19 января), въ честь ихъ было составлено два новыхъ тропаря по образцу извѣстныхъ пѣснопѣній Романа Сладкопѣвца и Сергія²⁾.

Конечно, это было только инстинктивное подражаніе древнимъ пѣснопѣніямъ. И новѣйшему составителю тропарей въ честь Фотія и Марка Эфесскаго указаніемъ служилъ, по всей вѣроятности, одинъ только слухъ. Современные греки могутъ прекрасно слыть главнѣйшія мелодіи своихъ церковныхъ пѣсень, но будутъ въ затрудненіи отвѣтить, подчиняются ли они какимъ-нибудь опредѣленнымъ законамъ метрики.

Разрѣшить эту многовѣковую загадку, указать на существованіе цѣлаго новаго міра невѣдомой поэзіи выпало на долю неустаннаго труженика на пользу науки, знаменитаго кардинала Питры.

Уже во время печатанія нашей работы мы имѣли возможность познакомиться съ недавно вышедшей статьей Мейера «Pitra, Mone und die byzantinische Strophik»³⁾, гдѣ авторъ считаетъ первымъ изслѣдователемъ формы греческихъ церковныхъ пѣснопѣній не Питру, а Моне (Mone); послѣдній за четырнадцать лѣтъ до Питры изслѣдовалъ и разгадалъ секретъ византийскихъ пѣснопѣній. Занимаясь средневѣковой латинской поэзіей и секвенціями, Моне въ своемъ главномъ трудѣ «Lateinische Hymnen des Mittelalters» (3 тома, въ 1853, 1854 и 1855 гг.) за разрѣшеніемъ вопроса объ ихъ построеніи обратился къ греческимъ церковнымъ текстамъ и имѣлъ въ мысляхъ написать даже исторію христіанской гимнологіи, чего впрочемъ не исполнилъ. Въ своихъ же примѣчаніяхъ къ латинскимъ гимнамъ онъ заявляетъ, что до сихъ поръ секвенціи издавались въ видѣ прозы потому, что въ наукѣ не знали ни объ ихъ происхожденіи отъ греческихъ тропарей, ни о ритмѣ этихъ греческихъ пѣснопѣній, основанномъ на удареніи. Такимъ образомъ, Моне дѣйствительно нашелъ, что греческіе тропари представляютъ изъ себя не прозу и что ударе-

1) Stevenson, p. 500—501. Здѣсь приведены еще нѣкоторые примѣры.

2) Pitra. An. S. Prol., p. XLIX. Stevenson, p. 501. У Питры приведенъ текстъ обоихъ тропарей.

3) Напечатано въ Sitzungsberichte der philos.-philolog. und der hist. Classe der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1896. Heft I, S. 49—66.

ніе играетъ главную роль въ построеніи строкъ греческихъ пѣснопѣній. Но въ своей книгѣ о латинскихъ гимнахъ онъ только попутно, кратко говоритъ объ этомъ; во всей же полнотѣ развитъ свое открытіе онъ хотѣлъ въ особомъ трудѣ, который, какъ мы видѣли, не былъ изданъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, за Питрой все-таки остается слава ученаго, который самостоятельно открылъ форму византийскихъ пѣснопѣній и первый подробно, систематически изложилъ результаты своихъ изслѣдованій, что хотѣлъ сдѣлать и не сдѣлать Моне.

II.

Питра и его открытіе.

Иоаннъ-Балтистъ Франсуа Питра родился 1 августа 1812 года въ Champforgeuil, небольшомъ приходѣ епархіи Autun, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Шалона на Сонѣ¹⁾. Предки Питры, эмигрировавшіе изъ Італіи во Францію, поселились въ Ліонѣ. Отецъ Питры занималъ скромное мѣсто сборщика податей. Желая дать своему сыну по возможности хорошее образованіе, родители Питры отдали мальчика на попеченіе его дяди г. Vaffier, довольно просвѣщеннаго чело-вѣка, жившаго въ небольшомъ городѣ Cuisery. Дядя скоро замѣтилъ необыкновенныя способности своего племянника, который поступилъ въ 1825 году въ небольшую семинарію города Autun, гдѣ сталъ скоро всѣхъ удивлять своею памятью, неустаннымъ прилежаніемъ и живымъ, воспримчивымъ умомъ. Съ переходомъ въ большую семинарію, въ бібліотекѣ которой хранилось много драгоценныхъ рукописей, молодой Питра началъ свои первыя занятія палеографіей, доставившія ему впоследствии неувядаемую славу.

1) По случаю послѣдовавшей въ 1889 г. кончины кардинала Питры появилось вѣсколько трудовъ, посвященныхъ его памяти; изъ нихъ наиболѣе выдаются два труда: Cabrol «Histoire du Cardinal Pitra». Paris. 1893 и Battandier «Le Cardinal Jean-Baptiste Pitra, évêque de Porto, bibliothécaire de la Sainte église». Paris. 1893. Сюда же можно отнести статью вышеупомянутаго Каброля «L'Hymnographie de l'église grecque», появившуюся въ Revue des facultés catholiques de l'Ouest. 2-me année. № 3, Février. 1893, p. 334—355. Статья эта, послужившая Кабролю вступительной лекціей въ читанный имъ въ Анжерѣ курсъ исторіи церкви и патристики, дѣликомъ помещена въ XV и XVII-й главахъ его вышеназваннаго сочиненія о кардиналѣ Питрѣ. Этими тремя трудами мы и пользовались при составленіи біографическаго очерка кардинала Питры.

Чувствуя влечение къ духовной карьерѣ, онъ прошелъ степени иподіакона, діакона и, наконецъ, въ декабрѣ 1836 года принялъ посвященіе въ санъ священника. Еще въ 1835 году Питра получилъ мѣсто профессора исторіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и риторикѣ въ семинаріи города Autun и, кромѣ того, находилъ еще время читать своимъ слушателямъ лекціи по Священной литературѣ (*littérature sacrée*). Занятіе Питры св. Легеріемъ, жившимъ во времена Меровинговъ, понудило его въ вакаціонное время 1838 года сдѣлать ноѣздку въ Парижъ, гдѣ онъ нѣкоторое время занимался въ королевской библіотекѣ, которан произвела на молодого ученаго громадное впечатлѣніе. Но что сдѣлало имя Питры сразу извѣстнымъ, это прочтеніе имъ случайно найденной въ 1839 году недалеко отъ города Autun греческой надписи, относящейся къ III вѣку христіанской эры. Этою надписью стали заниматься не только во Франціи, но и за границей.

Въ это же время Питра задумалъ поступить въ монахи Бенедиктинскаго ордена. Съ этою цѣлью онъ обратился съ письмомъ къ Солесменскому аббату (*abbé de Solesmes*).

Solesmes, прежде небольшая настоятельская церковь, зависящая отъ аббатства *La Couture du Mans*, въ тридцатыхъ годахъ превратилась въ самостоятельное аббатство, и Просперъ Геранже (*Prosper Guéganger*) назначенный аббатомъ, сталъ во главѣ бенедиктинцевъ французской конгрегации (*supérieur général des bénédictins de la congrégation de France*). Съ согласія епископа города Autun и Солесменскаго аббата, Питра оставилъ свою профессорскую дѣятельность и переѣхалъ въ Solesmes, гдѣ въ январѣ 1842 года вступилъ въ новиціатъ, а 10 февраля 1843 года, отказавшись отъ міра и всѣхъ его благъ и давъ обѣты монашества, торжественно вступилъ въ число членовъ Бенедиктинскаго ордена.

Около этого времени по совѣту парижскаго архіепископа, аббатъ Геранже приобрѣлъ помѣщеніе въ Парижѣ въ предмѣстьѣ Сен-Жерменъ, гдѣ до французской революціи процвѣтало знаменитое аббатство *S. Germain-des-Prés*. Туда въ 1842 году изъ Solesmes и переселилась небольшая монашеская колонія. Въ слѣдующемъ году Питра былъ поставленъ во главѣ этого новаго, небольшого пріорства. Сдѣлавъ свое первое кратковременное путешествіе въ Англію (съ декабря 1844 по мартъ 1845 г.), онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ извѣстнаго аббата Миня (*Migne*), имя котораго стоитъ въ заголовкѣ двухъ извѣстныхъ патроло-

гій. Къ этому времени относится окончаніе его перваго большого труда «*Histoire de Saint-Léger et de l'Eglise des Gaules au septième siècle*»¹⁾.

Съ этихъ поръ начинаются почти непрерывныя ученныя путешествія Питры. До 1848 года онъ былъ въ Эльзасѣ, Вогезахъ, Бельгін, Голландіи и находилъ въ ихъ библіотекахъ и архивахъ обильную жатву неизданнаго матеріала. Послѣ февральской революціи, когда католическая церковь вздохнула свободнѣе, не чувствуя себя болѣе подъ гнетомъ правительства іюльской монархіи, Питра въ 1849 году по порученію республиканскаго правительства предпринялъ съ ученою цѣлью новое семимѣсячное путешествіе въ Англію.

Результатомъ его изслѣдованій явились вышедшіе послѣдовательно въ свѣтъ четыре тома «*Spicilegium Solesmense*», содержащіе въ себѣ массу новаго, неизданнаго историческаго матеріала²⁾.

Въ 1858 году случилось событіе, имѣвшее громадное значеніе въ жизни Питры. Онъ былъ вызванъ папою Піемъ IX въ Римъ, причемъ папскій нунцій только сказалъ, что работа, которую папа собираетъ ему поручить, можетъ быть продолжительна. Въ Римѣ въ это время былъ сильно въ ходу вопросъ о соединеніи восточныхъ церквей съ римскою. Главнымъ инициаторомъ этого проекта былъ самъ представитель римской церкви папа Піи IX, съ первыхъ лѣтъ своего понтификата дѣлѣявшій мысль о такомъ соединеніи. Три статьи Питры, которыя имѣли своимъ предметомъ разсужденіе о каноническомъ правѣ греческой церкви³⁾, обратили вниманіе кардинала Антонелли и самого папы, что и побудило послѣдняго вызвать Питру въ Римъ.

Здѣсь сначала папа предполагалъ дать ему религіозно-политическую миссію въ Россію, относившуюся къ вопросу о соединеніи церквей, но въ послѣдствіи согласился на ходатайство Питры объ избавленіи его отъ такого труднаго и отвѣтственнаго порученія, тѣмъ болѣе, что ученый бенедиктинецъ въ то время не считалъ себя специалистомъ по византійскому каноническому праву, основательное знакомство съ которымъ было необходимо при исполненіи подобнаго

1) О содержаніи этого сочиненія см. у Battandier, op. c. p. 203—214.

2) I-й томъ выпелъ въ 1852 г., II и III-й въ 1855 г. и IV-й въ 1858 году. Содержаніе этихъ томовъ см. у Battandier, op. c. p. 276—288, p. 289 sq. Полный перечень трудовъ Питры см. у Cabrol, op. c. p. 389—399.

3) Эти статьи были первоначально напечатаны въ журналѣ *Univers* за ноябрь 1857 годъ, отдѣльно вышли въ Парижѣ въ 1858 году, перепечатаны въ новомъ изданіи «*Histoire des auteurs sacrés et ecclésiastiques*» Dom-Ceillier, t. XII. Paris. 1862.

порученія. Папа милостиво отнесся къ заявленію Питры и послѣ нѣсколькихъ аудіенцій, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, разрѣшилъ отправиться въ ученое путешествіе по Россіи.

Посѣтивъ богатія римскія бібліотеки, Питра въ половинѣ августа 1858 года покинулъ Римъ и, совершая свой *Iter Italicum*, останавливался во Флоренціи, Венеціи, Эсте, Миланѣ, Туринѣ и другихъ городахъ, гдѣ не только въ качествѣ туриста, но и вѣрнаго служителя науки слѣдовалъ по стопамъ Мабилльоновъ, Папebroковъ, Моифоконовъ¹⁾. Посѣщая итальянскія книгохранилища, Питра имѣлъ своею цѣлью познакомиться съ сохраняющимися въ нихъ рукописями, которыя относились къ греческому каноническому праву.

Проведя зиму съ 1858 на 1859 годъ во Франціи, Питра только въ началѣ лѣта этого года пустился въ свое дальнее путешествіе. Черезъ Кельнъ, Лейпцигъ онъ прибылъ въ Штетинъ, откуда уже на пароходѣ отправился въ Петербургъ.

Россію и теперь еще мало знаютъ на Западѣ; а во время путешествія Питры она была и совсѣмъ почти невѣдомою страной. За границей были въ ходу слухи о преслѣдованіи въ Россіи католиковъ. Поэтому само собой разумѣется, съ какимъ угнетеннымъ духомъ, съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ Питра предпринимать такое полное неизвѣстности путешествіе²⁾.

Черезъ три дня Питра проѣхалъ мимо грозныхъ твердынь Кронштадтскихъ укрѣпленій. Здѣсь «грустное настроеніе охватило путешественника; ему казалось, что тяжелыя ворота Россіи затворились за нимъ, и что съ этихъ поръ онъ сталъ русскимъ плѣнникомъ»³⁾.

По прибытіи 12 іюля въ Петербургъ, Питра нашелъ гостепріимство у доминиканцевъ Екатерининской церкви. Въ его распоряженіе была дана скромная келья, единственною роскошью которой для Питры была одна греческая рукопись, уже сильно попорченная сыростью и почти непригодная для чтенія, но, конечно, не для такого искуснаго палеографа, какимъ являлся французскій бенедиктинецъ. Манускриптъ, услаждавшій долгіе часы его одиночества, былъ съ Аеон-

1) См. Cabrol. Histoire du cardinal Pitra, p. 225—226. Revue des facultés catholiques. 1893, p. 340. Battandier, op. c. p. 335 sq.

2) Напримѣръ, одно письмо Питры за это время кончается слѣдующими словами: Nous reverrons-nous, mon bon prieur, Dieu seul le sait. J'ai bon espoir, et pourtant je ne puis cesser d'être soucieux depuis longtemps. См. Battandier, op. c. p. 359.

3) Cabrol. Histoire du cardinal Pitra, p. 228.

ской горы. Питра сталъ разбирать его, и его глазамъ предстала поэтическая легенда.

Въ VIII-мъ вѣкѣ, когда надъ Восточной имперіей пронеслась буря иконоборческой эпохи, когда всѣ изображенія святыхъ безпощадно истреблялись, у одной бѣдной никейской вдовы была икона Божіей Матери, которую она, изъ желанія спасти отъ изувѣрства иконоклатовъ, бросила въ море. вмѣсто того, чтобы потонуть, икона, какъ бы поддерживаемая невидимою силою, осталась въ воздухѣ и въ лучахъ блестящаго свѣта скрылась изъ глазъ изумленной вдовы. Прошло много времени. Изгнанные иконоборцами и мусульманами бѣдные восточные монахи переплываютъ море и ищутъ убѣжища въ неприступныхъ горахъ Халкидскаго полуострова, изъ которыхъ одна называется Аеономъ. На пей основалъ монастырь Евѡимій, сынъ грузинскаго (иверскаго) царя Георгія. И вотъ въ это время чудесный огненный столпъ указываетъ на появленіе у Аеона странствующей иконы. Тогда Гавріиль, святѣйшій изъ иверійскихъ монаховъ, который изъ сновидѣнія, ниспосланнаго свыше, узналъ, что ему выпадетъ на долю честь достать икону, вышелъ во главѣ процессіи, пошелъ, по приказанію настоятеля Павла, по водѣ, достигъ иконы и съ торжествомъ перенесъ ее въ монастырь. Икона Божіей Матери, какъ главной покровительницы и владычицы монастыря, была помѣщена надъ главнымъ входомъ и названа поэтому *Πορταίτισσα*.

Легенда эта въ рукописи Екатерининской церкви сопровождалась канономъ, или пѣснопѣніемъ, въ честь Св. Дѣвы, который и навелъ Питру на путь къ одному изъ его важнѣйшихъ открытій¹⁾. Текстъ этого канона былъ помѣченъ красными точками, которыя устанавливали симметрическія подраздѣленія канона на стихи и строфы. Ключъ къ пониманію секрета греческихъ пѣснопѣній былъ найденъ и, къ счастью, достался въ руки опытнаго, талантливаго и трудолюбиваго ученаго, какимъ былъ Питра, который сталъ дѣятельно продолжать свои поиски.

Въ первой главѣ мы сказали, что ученые, стараясь отыскать въ

1) Cabrol, op. c. p. 229—231. Revue des facultés catholiques. 1893, p. 342—343. История иконы *Πορταίτισσα* находится въ рукописи патриаршей Московской бібліотеки подъ № 486. См. каталогъ Маттеи, т. II, № XIX, кат. Саввы 1823 г. № 486, кат. арх. Владиміра 1894 г. № 404. См. также Порф. Успенскій. Новое слово объ Аеоноверской иконѣ Богоматери (Чтенія въ общ. любителей духовнаго просвѣщенія. 1879, мартъ, стр. 380—386).

греческихъ церковныхъ пѣснопѣнiяхъ какой-либо одинъ изъ классическихъ размѣровъ, не достигли положительныхъ результатовъ и остановились на томъ мнѣнiи, что пѣснопѣнiя эти написаны были прозою. Самъ Питра до своей поѣздки въ Россiю послѣ продолжительныхъ разысканiй не могъ достичь лучшихъ результатовъ; «онъ не могъ сломать печати съ этихъ таинственныхъ книгъ»¹⁾. Путешествiе въ Петербургъ и рукопись Екатерининской церкви дали въ руки Питры ключъ къ разрѣшенiю этой загадки. Оказалось, что церковная греческая поэзiя имѣетъ особый размѣръ, основанный на числѣ словъ и на обычномъ ударенiи словъ²⁾.

Питра изъ Петербурга прiѣхалъ 2 августа 1859 года въ Москву. Остановившись въ домѣ польской церкви, онъ прежде всего жаждалъ увидѣть Кремль. Видъ на Москву, на Замоскворѣчье поразилъ его; по словамъ Питры, самъ Римъ не можетъ произвести такого грандіознаго впечатлѣнiя.

Самое суровое отцовское проклятiе сыну, говоритъ ученый путешественникъ въ другомъ мѣстѣ, будетъ то, если отецъ покажетъ сыну въ послѣднiй разъ Москву и запретитъ ему болѣе возвращаться, чтобы хоть еще разъ взглянуть на священный городъ³⁾. Но Питру сильно тревожила возможность неуспѣха его ученой миссiи въ этомъ чужомъ городѣ. Онъ слышалъ, что митрополитъ Филаретъ былъ настроенъ враждебно противъ католиковъ; прiѣздъ-же Питры могъ показаться подозрительнымъ. Къ счастью, онъ нашелъ дѣятельную поддержку во французскомъ консулѣ г. Ливiо (Livio), который представилъ его архимандриту Леониду и тогдашнему губернатору графу Строгонову, у которыхъ Питра нашелъ благосклонный прiемъ и обѣщанiе помощи его дѣлу. Наконецъ насталъ день, когда Питра долженъ былъ представиться Филарету. Митрополитъ жилъ въ отдаленной части города въ подворьѣ Троицкаго монастыря.

Питра удивлялся скромному обиталищу русскаго владыки. Первая аудiенцiя происходила при посредствѣ французскаго консула, служившаго имъ переводчикомъ. Филаретъ, распросивъ Питру о цѣли его путешествiя, обѣщалъ ему свое содѣйствiе. Дѣйствительно съ 21 сентября и до половины января Питра имѣлъ свободный доступъ въ Синопольскую библіотеку, гдѣ онъ былъ обставленъ всѣми удобствами и

пользовался совѣтами и помощью русскихъ священниковъ и монаховъ. Особенно долго помнилъ Питра обязательнаго и всегда любезнаго монаха Григорiя. Кромѣ того, онъ нашелъ на чужбинѣ въ лицѣ доктора Гезена (Dr. Heesen) истиннаго друга и помощника. Гезенъ все время съ нимъ вмѣстѣ работалъ; въ часы же отдыха Питра проводилъ время въ тихой и скромной семейной обстановкѣ доктора.

По приглашенiю митрополита Питра присутствовалъ 5 сентября на торжественномъ богослуженiи по случаю совершеннолѣтiя наследника Николая Александровича и принесенiя имъ присяги. Питра искренне удивлялся той силѣ и бодрости, съ какою престарѣлый митрополитъ выдерживалъ длинную службу.

Запасшись рекомендательнымъ письмомъ архимандрита Леонида, Питра совершилъ поѣздку въ Троицко-Сергiевскую лавру, гдѣ присутствовалъ на торжественной всенощной наканунѣ праздника Воздвиженiя Креста Господня и за обѣдней въ самый праздникъ (14 сент.). Во время всенощной Питра отъ жары и тѣсноты почувствовалъ себя дурно. Выведенный на чистый воздухъ, онъ быстро оправился; холодный потъ, рассказываетъ вѣрный сынъ католической церкви, выступилъ при одной мысли, что онъ могъ умереть тамъ въ русской церкви¹⁾. Здѣсь Питра познакомился съ профессоромъ Горскимъ. По возвращенiи въ Москву съ помощью князя Оболенскаго Питра могъ даже пользоваться архивами кремлевскаго дворца. Интересны весьма частыя, регулярныя бесѣды Питры съ архимандритомъ Леонидомъ по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ относительно церковныхъ особенностей Западной церкви.

Незадолго до своего отъѣзда Питра получилъ еще аудiенцiю у митрополита. Въ качествѣ переводчика былъ назначенъ митрополитомъ г. Кирьяковъ (Kirjaskoff). Прiемъ состоялся 28-го декабря.

«Экипажъ, рассказываетъ Питра, съ большимъ шумомъ вѣхалъ во дворъ нашей польской церкви къ великому удивленiю всѣхъ присутствующихъ. До Троицкаго подворья доѣхали весьма быстро. Я нахожу такой-же рядъ бѣдняковъ, въ томъ-же порядкѣ и на той-же лѣстницѣ, какъ и въ первый разъ; прiемныя, которыя въ первый разъ я нашелъ пустыми, сегодня были полны посѣтителей, ожидавшихъ своей очереди. Мнѣ предлагаютъ единственный находящiйся тамъ стулъ; по я отказываюсь. Въ прiемныхъ принято ожидать всегда

1) Pitra. Hymnographie, p. 10. Sabŕol, op. c. p. 264.

2) Подробнѣе о размѣрѣ мы скажемъ ниже въ III-й главѣ.

3) Battandier, p. 369.

1) Battandier, p. 377.

стоя; и если самый знатный останется стоять, то считается неудобнымъ передъ нимъ сѣсть, будь тамъ стулья, кресла и диваны для всѣхъ. Въ разговорѣ съ Кирьяковымъ я узналъ, что митрополитъ говоритъ по латыни. Немного спустя намъ докладываютъ, что владыка насъ ждетъ. Я увидѣлъ тѣ-же большіе салоны, какъ и при первомъ приѣмѣ. Я вижу старца въ дали третьей залы; тотчасъ мой спутникъ дѣлаетъ глубокой поклонъ (*métanie*), преклоняясь до земли, касаясь пола правою рукою и наклоня какъ можно ниже голову въ ожиданіи знака приблизиться. Я продолжаю стоять и дѣлаю небольшой поклонъ (*métanie médiocre*). Во второй залѣ новые поклоны. Въ третьей залѣ третье колѣнопреклоненіе моего проводника. Владыка садится и дѣлаетъ мнѣ знакъ, чтобы и я сѣлъ. Кирьяковъ остается стоять и обмѣнивается нѣсколькими словами съ владыкой, который черезъ него спрашиваетъ меня, доволенъ-ли я своимъ пребываніемъ въ Россіи и Москвѣ. Я сразу отвѣчаю по латыни «*Vene, optime et prospere res se habent*» и прошу позволенія продолжать бесѣду на этомъ общемъ намъ нарѣчій. При звукахъ языка, на которомъ можно было объясняться безъ помощи третьяго лица, владыка отвѣтилъ: «*Datur libentissime et venia et copia latine loquendi*». Происшедшій разговоръ буквально записанъ Питрой.

— Я считаю своимъ долгомъ, началъ онъ, поблагодарить тѣхъ знаменитыхъ лицъ, которыя осыпали меня знаками своего расположенія; среди нихъ я долженъ особенно упомянуть о выдающемся владыкѣ, первой причинѣ такого превосходнаго приѣма, и мнѣ пріятно лично выразить ему мою благодарность.

— И я самъ, отвѣчалъ митрополитъ, нарушилъ-бы всѣ обязанности гостепріимства, еслибы не принялъ со всѣмъ вниманіемъ монаха и иностранца.

— Говорятъ, Ваше Высокопреосвященство, что монахи обладаютъ превосходною памятью; это есть по крайней мѣрѣ качество, приписываемое бенедиктинцамъ; и я воспользуюсь моею памятью, чтобы никогда не забыть о всевозможныхъ благодѣяніяхъ, которыми я былъ осыпанъ въ этомъ городѣ Москвѣ. Мнѣ будетъ отрадно вспомнить о пріятномъ знакомствѣ съ извѣстными людьми, между которыми я назову Кирьякова, ученаго архимандрита Сергія, Феодора и ихъ викарія Григорія. Но выше всякихъ похвалъ я ставлю глубоко любимаго и уважаемаго владыку Леонида, пріятное воспоминаніе о которомъ останется запечатлѣннымъ въ моемъ сердцѣ.

— Я постараюсь, чтобы всѣ эти слова дошли по своему назначенію. Но скажите, прошу васъ, какая была ваша главная цѣль и основаніе столь долгаго пребыванія?

— Патриаршая бібліотека превзошла всѣ мои желанія. Я думаю, что по греческому отдѣлу это четвертая или пятая изъ европейскихъ бібліотекъ, а что касается до литургіи и каноническаго права, то я ей опредѣлилъ-бы третье мѣсто, считая выше ея только бібліотеку Ватикана и Парижа. Насколько помню, я уже сказалъ Вашему В. Пр—ву, что моею цѣлью было собрать памятники каноническаго права и литургіи.

Питра изложилъ довольно подробно митрополиту о томъ, чѣмъ онъ занимался и что нашелъ въ Москвѣ; между прочимъ Питра сказалъ, что онъ сравнивалъ издавныя книги съ древнѣйшими рукописями и нашелъ между ними большое различіе.

Владыка слушалъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Другіе замѣтили то-же самое различіе; но разница гораздо меньше между греческими рукописями и старыми славянскими переводами.

— Я поспѣшилъ присоединиться къ этому замѣчанію, не дѣлая различія между книгами старовѣровъ и книгами оффиціальной церкви. Я также, благодаря лицамъ, хорошо знакомымъ со славянскимъ языкомъ, замѣтилъ, что въ славянскихъ книгахъ можно найти то, чего уже нѣтъ теперь въ греческихъ печатныхъ литургическихъ книгахъ.

— Да, сказалъ Владыка, наши древніе переводчики были людьми безукоризненной точности и хорошо знали греческій языкъ, откуда слѣдуетъ, что греческая древность сохранилась у насъ чище и вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

— Къ тому же, носпѣшилъ я прибавить, они имѣли болѣе древнія рукописи и гораздо лучшаго письма, чѣмъ тѣ, которыя служили грекамъ для ихъ первыхъ изданій XVI вѣка. Но, если я не ошибаюсь, они имѣли подъ руками какія-то позднѣйшія рукописи, а ихъ они перепечатали неточно: очень много вещей оттуда выкинули, а другія по своему произволу вставили.

— Но, перебилъ темного живѣе Владыка, какая же цѣль этихъ вашихъ занятій?

— Все это, отвѣчалъ я, останется погребеннымъ въ моихъ картонахъ и, по всей вѣроятности, не увидитъ свѣта до тѣхъ поръ, пока Богъ не возвратитъ намъ спокойствія. Если мы дождемся мира, то я

надѣюсь съ помощью моихъ братьевъ той-же конгрегаціи св. Бенедикта сдѣлать критическое, безукоризненное изданіе каноническихъ и литургическихъ греческихъ книгъ. Но это изданіе вѣдь-ли можетъ состояться безъ того, чтобы одинъ изъ членовъ нашего ордена не возвратился въ Москву съ цѣлью еще разъ пересмотрѣть рукописи, которыми я пользовался. Въ этомъ случаѣ, еслибы бенедиктинскій монахъ, болѣе дѣятельный и молодой, чѣмъ я, имѣлъ честь предстать передъ Вашею Святостью, осмѣлился-бы я просить принять его съ тою-же добротою и снисходительностью, которыя были оказаны мнѣ?

— Я весьма охотно это вамъ обѣщаю; я желалъ-бы, чтобы всѣ ваши братья знали, что я и мои преемники окажутъ имъ, насколько это будетъ зависѣть отъ насъ, всѣ желаемыя облегченія, толькобы занятія вашихъ братьевъ, какъ и ваши собственныя, происходили въ мирѣ и спокойствіи.

— Это было всегда неизмѣннымъ правиломъ нашего ордена, которое уже много вѣковъ выражается однимъ словомъ Pax.

— Золотое правило. Да будетъ угодно Богу, чтобы согласіе всѣхъ душъ состоялось въ мирѣ.

— Таково и мое самое дорогое желаніе, и я не стану скрывать отъ Васъ, уважаемый Владыка, что въ нашемъ аббатствѣ въ Solesmes мы имѣемъ уже старинный обычай молиться каждую недѣлю, въ опредѣленный день, за миръ и примиреніе всѣхъ христіанъ и всѣхъ церквей, чтобы было едино стадо и единъ Пастырь.

— Хорошо, хорошо, и продолжайте такъ, почтенные монахи; мы также молимся и не каждую недѣлю, по каждый день за миръ всей церкви.

— Наши молитвы, отвѣтилъ я, ежечасно возносятся къ Богу съ мольбою только объ одномъ, о мирѣ и единеніи всѣхъ братьевъ во Христѣ. Мы сыновья миротворцевъ и дѣтей мира.

Отцы наши, тому уже цѣнадцать вѣковъ, видѣли совершенное согласіе между Восточной и Западной церковью; они были свидѣтелями церковнаго мира; мы, сыны ихъ, не хотимъ умереть, не увидавъ этого возстановленнаго во Христѣ мира. Иисусъ Христосъ есть небесный и земной миръ, и мы хотимъ пѣть съ нашими отцами: «Gloria in excelsis Deo et pax hominibus bonae voluntatis».

— Amen, amen, отвѣчалъ Владыка, отпуская Питру¹⁾.

1) Battandier p. 386—390. Вся эта бесѣда митрополита съ Питрою, по утвержденію послѣдняго, записана имъ почти слово въ слово.

Во время праздника Рождества Питра получилъ отъ своихъ московскихъ знакомыхъ много подарковъ. Но пора было уже уѣзжать. Распростившись и поблагодаривъ архимандрита Леонида, Гезена и другихъ, Питра 15-го января 1860 года покинулъ Москву и возвратился въ Петербургъ.

Но на прощанье Москва преподнесла ученому бенедиктинцу совершенно неожиданный и чрезвычайно интересный подарокъ. Въ концѣ своего пребыванія въ Москвѣ, когда уже близилось время отъѣзда изъ Россіи, Питра, во время одного изъ своихъ послѣднихъ посѣщеній Синодальной библіотеки, случайно наткнулся на греческую рукопись съ заглавіемъ *Κουδὰχάρη*. Начала и конца рукописи не было¹⁾. Перелистывая ее, онъ невольно остановилъ свое вниманіе на одномъ пѣснопѣніи, которое поразило его своею звучностью и поэтическимъ содержаніемъ. Это была извѣстная Рождественная пѣснь: «Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ»²⁾. Охваченный прелестью этой новой поэзіи, Питра, продолжалъ свое чтеніе. За пѣснопѣніемъ на Рождество слѣдовали другія пѣснопѣнія объ Іоаннѣ Крестителѣ, Св. Стефанѣ, Страшномъ Судѣ и др. Все это принадлежало вдохновенію извѣстнаго Романа Сладкопѣвца и нѣкоторыхъ другихъ пѣснопѣвцевъ. Между тѣмъ Питрѣ не было времени; ему надо было уѣхать и покинуть эту драгоценную, такъ счастливо попавшую ему въ руки рукопись. Питра понялъ, что здѣсь лежитъ передъ нимъ совершенно новая книга, которую нужно списать. «Но скиѣская зима плохо согрѣвала его; руки, онѣмѣвъ отъ восьмимѣсячнаго труда, слабѣли; Питра съ глубокой грустью собралъ паруса, молн судьбу дать ему возможность въ другомъ мѣстѣ пристать къ подобнымъ хранилищамъ при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ»³⁾.

Но не скоро судьба услышала мольбу неутомимаго ученаго. Проходили годы въ безуспѣшныхъ поискахъ второй подобной рукописи. Воспоминаніе о московскомъ кодексѣ было для Питры воспомина-

1) Свѣдѣнія объ этомъ кодексѣ можно найти у Питры въ *Analecta Sacra*. Т. I. р. XIII—XV. Описаніе этого кодекса можно найти и въ русской литературѣ, напр., у Филарета Черн. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви. 2-е изданіе. Черниговъ. 1864 г. 199—202; его-же Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Изд. II Т. III. Спб. 1882 г. 118—119.

2) Греч. текстъ см. у Pitra *Analecta Sacra* t. I p. I. Christ et Paganikas. *Anthologia* p. 91.

3) Pitra. *Analecta Sacra*. Т. I p. VII: Sed hieme Scythica male urebar. . .

ніемъ о потерянномъ рабѣ¹⁾. И только уже во времена своего кардинальства, Питръ удалось найти въ библиотекѣ Корсини второй экземпляръ московской рукописи, а въ Туринѣ и третій. На основаніи двухъ этихъ рукописей были изданы имъ въ 1876 году произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ²⁾. О существованіи четвертой болѣе полной рукописи на островѣ Патмосѣ Питра узналъ позднѣе, такъ что не могъ привлечь ее къ изданію своихъ пѣснопѣвцевъ³⁾.

Покинувъ Петербургъ вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Москвы, Питра дѣлалъ обратный путь при двадцатиградусномъ морозѣ въ экипажѣ съ разбитыми стеклами и наконецъ на простыхъ саняхъ съ помощью двухъ крестьянъ; онъ ѣхалъ между двумя снѣжными стѣнами вышиною въ человѣческой ростъ, черезъ обширные сосновые лѣса, черезъ бѣлыя равнины, на которыхъ бушевалъ настоящій холодный сибирскій вѣтеръ⁴⁾. Такимъ образомъ Питра добрался до Варшавы. Этимъ кончаются ученія странствованія Питры въ невѣдомой и подчасъ страшной для него Россіи. Результаты его поѣздки были блестящи. «Да будетъ благословенно нутешествіе по Россіи, которое открываетъ намъ цѣлый неизвѣстный міръ», пишетъ позднѣе въ 1867 году аббатъ Геранже (Guéranger), по прочтеніи греческой гимнографіи Питры⁵⁾.

Изъ Варшавы Питра черезъ Прагу, Вѣну, въ которой онъ имѣлъ продолжительную остановку, прибылъ въ октябрѣ въ Парижъ, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Римъ, былъ ласково принятъ папою и все время продолжалъ неустанно работать въ Ватиканѣ. По приѣздѣ Питры въ Римъ тамъ было узнано, что онъ открылъ секретъ византійскихъ пѣснопѣній. На многочисленные запросы по этому поводу Питра, до появленія своей знаменитой гимнографіи, прочелъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи католической религіи 3-го іюля 1862 года докладъ о своемъ открытіи. Семь кардиналовъ,

1) Cabrol. Hist. du Card. Pitra. p. 269—Revue des facultés catholiques. 1893 Fevr. p. 348.

2) Pitra. Analecta Sacra. I p. VI—VII. Cabrol. op. c. p. 269.

3) Cabrol въ Revue des fac. cath. 1893 Fevrier. p. 348. Объ изданіи Питрой на основаніи Патмосской рукописи трехъ гимновъ Романа Сладкопѣвца ко дню юбилея папы Льва XIII будетъ сказано ниже. Полное изданіе Романа на основаніи всего рукописнаго матеріала готовится Крумбахеромъ. См. Krumbacher. Gesch. der byz. Litteratur. S. 318.

4) Battandier. p. 391.

5) Battandier. p. 528.

множество прелатовъ и весь ученый, литературный Римъ присутствовалъ на этомъ засѣданіи.

За многочисленные труды и заслуги Питры папа въ мартѣ 1863 г. возвелъ его въ санъ кардинала.

Результатомъ его заятій въ Россіи и другихъ странахъ явились два тома церковнаго греческаго права, которые содержатъ въ себѣ каноническіе памятники греческой церкви, начиная съ постановленій апостольскихъ и кончая Номокакономъ, приписываемымъ Фотію¹⁾. Сопровождающія изданный текстъ ученія введенія и примѣчанія представляютъ изъ себя настоящую исторію каноническаго права византійской церкви и ея источниковъ. Въ 1867 году вышло его знаменитое сочиненіе по греческой гимнографіи, гдѣ онъ говоритъ подробно о своемъ открытіи и опредѣляетъ общіе законы этой литургической поэзіи²⁾. Въ 1876 г. появился первый томъ Analecta Sacra, въ которомъ авторъ говоритъ о греческихъ пѣснопѣніяхъ и издаетъ громадное количество до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ твореній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Въ этомъ томѣ заключается болѣе двухъсотъ пѣснопѣній на годовые праздники, въ честь Святыхъ и нѣкоторыхъ лицъ Ветхаго Заветъа, Адама, Ноя и другихъ³⁾.

Въ началѣ 1869 года Питра былъ назначенъ на мѣсто кардинала Тости библиотечаремъ Римской церкви. Семидесятые годы принесли Питрѣ много горя. Такія событія, какъ занятіе Рима войсками Пьемонта въ сентябрѣ 1870 г., разгромъ Франціи Пруссіей и, наконецъ, смерть его искренняго доброжелателя и покровителя папы Пія IX (7-го февраля 1878 г.), не могли не произвести на кардинала глубокаго, тяжелаго впечатлѣнія. Но составленіе каталога ватиканскихъ ученыхъ сокровищъ и открытіе доступа ученымъ въ Ватиканскую библиотечку, что случилось уже при новомъ папѣ Львѣ XIII, являлось исполненіемъ однихъ изъ самыхъ заветныхъ думъ и мечтаній ученаго кардинала. Въ 1879 году Питра былъ назначенъ епископомъ во Фраскати недалеко отъ Рима, а въ 1884 г. въ Порто. Въ 1884 году появились II, III и IV томы его Analecta Sacra.

Съ 1885 г. его крѣпкое здоровье начало слабѣть. Возникшія не-

1) Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta. Roma. I T. 1864; T. II. 1868.

2) Hymnographie de l'Eglise Grecque. Rome. 1867. Еще раньше въ Analecta juris pontificii (1863 г. T. III, 1417—1427) Питра выпустилъ въ свѣтъ хорошую статью объ этомъ своемъ открытіи; но она прошла почти незамѣченною. См. Cabrol. op. c. p. 265. Battandier p. 519.

3) Analecta Sacra Spicilegio Solesmensi parata. Parisiis. 1876.

доразумѣнія съ папой и смерть любимой сестры еще болѣе подорвали и безъ того уже падавшія силы Питры.

Въ 1886 году минуло нятдесять лѣтъ служенія его въ духовномъ санѣ. Весь ученый европейскій мѣръ отозвался на этотъ праздникъ кардинала и всячески старался выказать свою къ нему симпатію и уваженіе.

Въ 1888 году праздновался съ необычайною торжественностью пятидесятилѣтній юбилей паны Льва XIII, во время котораго Питра поднесъ юбиляру изданные имъ впервые на основаніи Патмосской рукописи три отрывка изъ твореній знаменитаго Романа Сладкопѣвца¹⁾. Въ 1888 году неутомимый ученый издалъ пятый томъ своихъ *Analecta Sacra*²⁾. Болѣзнь между тѣмъ медленно, но вѣрно дѣлала свое дѣло; неустанные труды больного еще болѣе способствовали ея скорѣйшему развитію. Несмотря на это, Питра смогъ еще окончить изданіе писемъ Димитрія Хоматина, которыя закончили труды кардинала по наукѣ византійскаго каноническаго права³⁾.

Утромъ 9 февраля 1889 года больной почувствовалъ себя лучше; но послѣ трехъ часовъ дня въ состояніи Питры вдругъ произошло сильное ухудшеніе. Въ семь часовъ вечера крупная слеза выкатилась изъ глазъ умирающаго, онъ слабо вздохнулъ и отдалъ Богу свою безсмертную душу⁴⁾.

Смерть похитила Питру у науки, когда онъ собирался подарить ее своимъ большимъ сочиненіемъ о греческой поэзіи. Со смертью Питры наука попесла тяжкую, до сихъ норъ не вознаградимую потерю. Онъ является въ греческой гимнографіи, по выраженію одного біографа, вторымъ Христофоромъ Колумбомъ. Въ оставшихся послѣ смерти рукописяхъ кардинала найдется, навѣрное, матеріала еще на десять томовъ *Analecta*, но для пользованія ими нуженъ талантъ, любовь къ труду, обширный, тонкій умъ, чѣмъ такъ щедро былъ отъ природы одаренъ покойный кардиналъ. Драгоценный камень еще

1) *Sanctus Romanus veterum melodorum princeps. Cantica sacra ex codd. mss. mon. S. Ioannis in insula Patmo primam in lucem ed. card. Pitra. Romae. 1887.*

2) *Analecta Sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. T. V, 1 vol. Paris et Rome. 1888.*

3) *Analecta Sacra et classica. v. VII. Juris ecclesiastici graecorum selecta paraliromena. Paris. 1891.* Издано уже послѣ смерти Питры Battandier. См. разборъ этой книги въ Византійскомъ Временникѣ за 1895 г. Т. II. 3 с. 426—433.

4) Письмо Battandier къ аббату Lazaire отъ 11-го февраля 1889 г. См. Cabrol. op. c. p. 366. Battandier p. 897.

находится у насъ въ рукахъ, но нѣтъ искуснаго мастера. Не могли продолжать кардинала Ман; не продолжатъ и кардинала Питру¹⁾.

III.

Размѣръ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній.

Открытая Питрою схолія грамматика Θεодосія Александрійскаго, о которой мы уже упоминали выше²⁾, помогла кардиналу разгадать секретъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній.

Въ этой схоліи говорится: если кто-нибудь хочетъ составить канонъ, онъ долженъ сначала установить мелодію ирмоса, потомъ присоединять къ нему тропари, которые совершенно-бы совпадали съ ирмосомъ по числу слоговъ и ударенію и въ то же время отвѣчали бы цѣли пѣснопѣнія (т. е. тому предмету, о которомъ было предположено говорить въ канонѣ³⁾).

Итакъ, схолія эта даетъ самое опредѣленное правило относительно составленія канона; отдѣльныя его пѣсни, или тропари, подчиняются двумъ законамъ: они должны имѣть одно и то же число слоговъ и одинаковое удареніе съ первою строфою тропаря, т. е. съ ирмосомъ. Стевенсонъ взялъ на себя трудъ провѣрить это положеніе, принятое Питрою. Просмотрѣвъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ изданныя Питрою пѣснопѣнія Романа Сладкопѣвца и самые знаменитые каноны греческой церкви, пришелъ къ тому заключенію, что эта теорія совершенно справедлива, и стихи, за немногими исключеніями, согласно выраженію Θεодосія, являются *ισοσυλλαβοῦντα* и *ὁμοτονοῦντα*⁴⁾.

Относительно-же ударенія надо помнить, что къ византійскому времени разница между острымъ и облеченнымъ удареніемъ древнегреческаго языка исчезла. Явленіе это началось съ первыхъ вѣковъ

1) Battandier p. 525 и 755.

2) См. стр. 17.

3) Ἐάν τις θέλη ποιῆσαι κανόνα, πρῶτον δεῖ μελίσαι τὸν εἰρμόν, εἶτα ἐπαγαγεῖν τὰ τροπάρια, ἰσοσυλλαβοῦντα καὶ ὁμοτονοῦντα τῷ εἰρμῷ, καὶ τὸν σκοπὸν ἀποσώζοντα. Pitra *Hymnographie de l'église grecque.* p. 31—32; его же *Analecta Sacra I* p. XLVII. Переводъ этого отрывка, данный Питрою, принятый Стевенсономъ (*Revue des quest. hist. II* (1876) p. 504—505) и нами, нашелъ противника относительно перевода слова *σκοπός* черезъ французское *but*, русское—цѣль, въ лицѣ ученаго Криста, который слово *σκοπός* переводитъ «мелодія». (*Sitzungsber. der k. bayeg. Akad. d. Wiss.* 1870. S. 100).

4) Stev. p. 505—506.

христианства. Несоблюдение правил классической просодии относительно долготы и краткости слоговъ можно встрѣтить уже въ гимнѣ Климента Александрійскаго, въ гимнахъ Синезія, Григорія Богослова и даже въ поэмѣ мученика Меѳодія *σομπτῶσιον παρθένου*, которая отпосится къ первымъ годамъ IV-го вѣка. Ударение, съ течениемъ времени одержавъ побѣду надъ долготою и краткостью слоговъ, дѣлается основнымъ элементомъ народной поэзии всѣхъ временъ¹⁾.

Итакъ, въ греческихъ пѣснопѣніяхъ замѣчается два основныхъ закона: одинаковое ударение и одинаковое число слоговъ съ ирмосомъ.

Но на первый взглядъ нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ пѣснопѣніяхъ иногда являются отступленія отъ двухъ вышеупомянутыхъ законовъ церковнаго стихосложенія. Ударение не занимаетъ того-же мѣста во всѣхъ строфахъ, какое оно занимаетъ въ ирмосѣ; число слоговъ бываетъ въ различныхъ мѣстахъ неодинаково.

Послѣ работъ Питры, основателя науки о церковныхъ пѣснопѣніяхъ, Криста, Стевенсона, работа котораго по вопросу о разработкѣ размѣра греческихъ пѣснопѣній признается нѣкоторыми классической²⁾, августинца Буви³⁾ — можно прийти къ тому выводу, что всѣ эти видимыя отступленія отъ основного закона сводятся къ тремъ легко объяснимымъ случаямъ: къ двухсложнымъ частицамъ и двухсложнымъ мѣстоименіямъ, многосложнымъ *protragoxytona* и *oxytona* и, наконецъ, къ *proterogisprotona*, за которыми слѣдуетъ энклитика⁴⁾.

Дѣйствительно, иногда ударение въ двухсложныхъ частицахъ и двухсложныхъ мѣстоименіяхъ не согласуется съ тоническимъ размѣромъ даннаго пѣснопѣнія. Въ тропаряхъ встрѣчаются иногда нарѣчія *ἀλλὰ, οὐδέ, μηδέ* и др., предлоги — *παρά, ὑπέρ, ἀπό* и т. д., мѣстоименія — *ἐγώ, ἐμοῦ, ἡμεῖς, αὐτός* и др., — тамъ, гдѣ тоническій размѣръ требоваль-бы ударенія на предпоследнемъ слогѣ.

1) Stev. p. 516. Текстъ указанныхъ гимновъ и поэмы см. у Christ Anthologia. S. 37—38, 1—23, 23—32 и 33—37.

2) См. рецензію на работу Стевенсона въ Revue Critique за 1889 г. I p. 267. См. также упомянутый уже нами рефератъ на работу Стевенсона Купиториса *Περὶ τοῦ ῥοθμοῦ* въ Bulletin de Correspondance Hellénique. 1878 (II) p. 372—391.

3) Ed. Bouvy. Poètes et Mélodes. Etude sur les origines du rythme tonique dans l'hympnographie de l'église grecque. Nimes. 1886 p. 270—360. См. не особенно благоприятную рецензію на эту книгу Теодора Рейнака въ Revue critique. 1887 II p. 242—247.

4) Краткое изложеніе выводовъ Питры о законахъ ритмической церковной поэзии можно найти также у Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes (Zeitschrift für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 189—190).

Но подобныя короткія слова, безпрестанно употребляясь въ обиходѣ, не всегда произносились съ яснымъ ударениемъ на последнемъ слогѣ. Да къ тому же, это можно смѣло извинить пѣснопѣвцамъ, какъ поэтическую вольность; вѣдь и въ классической поэзии найдется не одинъ примѣръ различныхъ поэтическихъ вольностей. Конечно, пѣснопѣвцамъ можно было-бы иногда избѣгнуть нарушенія размѣра съ помощью анастрофы, когда ударение въ предлогахъ, на примѣръ, переходитъ на первый слогъ. Но пѣснопѣвцы анастрофы не знаютъ.

Что касается до многосложныхъ *protragoxytona* и *oxytona*, то въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся лишь съ видимымъ затрудненіемъ. Часто въ тропаряхъ извѣстной пѣсни канона стоитъ многосложное *oxytonon*, на примѣръ, *φωτισμός, ταπεινός*, тогда какъ соответствующія имъ слова въ ирмосѣ являются *θάνατος, πόλεμος* — *protragoxytona*. Повидимому, здѣсь возникаетъ вопросъ о двойномъ нарушеніи тонического размѣра: въ первомъ случаѣ слово имѣетъ ударение на последнемъ слогѣ, а не имѣетъ его на первомъ, — во второмъ случаѣ имѣетъ ударение на первомъ и не имѣетъ его на последнемъ слогѣ. Но это противорѣчіе лишь кажущееся. Многосложное слово *oxytonon* въ произношеніи имѣетъ такое-же ударение на первомъ слогѣ, какъ и на последнемъ, хотя первое ударение и не пишется; наоборотъ, *protragoxytonon* имѣетъ такое-же не изображаемое въ письмѣ ударение и на последнемъ слогѣ. Если хотѣли-бы изобразить эти слова съ полнымъ ударениемъ, то нужно было-бы писать *φώτισμός, τάπεινός*, а во второмъ случаѣ *θάνατός, πόλεμός*. Отсюда видно, что въ этомъ случаѣ нѣтъ нарушенія тонического размѣра. Можетъ быть, въ полномъ отождествленіи Стевенсономъ *protragoxytona* съ *oxytona* и есть нѣкоторое преувеличеніе, на что одни писатели и указываютъ¹⁾; но такія тонкости ударенія не могутъ все-таки вліять на тоническій размѣръ извѣстнаго пѣснопѣнія. Все вышесказанное относится ко всякому слогу съ ударениемъ, за которымъ слѣдуютъ два другіе безъ ударенія; при чемъ совершенно безразлично, будетъ-ли это одно слово, или различныя слова. Въ четвертой пѣсни канона Козьмы на праздникъ Богоявленія три первыя строфы начинаются словами *ἀκήκασα, ῥυπτόμενον, ὑπέφηνεν*; но, такъ какъ произносятся эти слова собственно съ двумя удареніями *ἀκήκασά, ῥυπτόμενον, ὑπέφηνέν*, то Козьма четвер-

1) См. напр. Bouvy. op. c. p. 287—289.

тую строфу съ полнымъ правомъ начинается двумя словами $\psi\upsilon\chi\eta\varsigma$ $\tau\epsilon\lambda\omega\nu$ ¹⁾. При этомъ не надо забывать, что въ византійское время разницы между острымъ и обличеннымъ удареніемъ въ произношеніи не было. Однимъ словомъ, для византійскаго времени дактиль и анапестъ не имѣли почти никакого различія.

Третье исключеніе, касающееся словъ $\rho\rho\epsilon\rho\iota\varsigma\rho\rho\epsilon\mu\epsilon\mu\alpha$, за которыми слѣдуетъ энклитика, является въ позднѣйшихъ рукописяхъ и послѣднихъ венеціанскихъ изданіяхъ. Византійскіе-же пѣснопѣвцы, начиная съ Романа, не знали того явленія, что энклитика, если ей предшествуетъ $\rho\rho\epsilon\rho\iota\varsigma\rho\rho\epsilon\mu\epsilon\mu\alpha$, должна лишаться своего ударенія и переносить его на это слово. Пѣснопѣвцы не произносили $\epsilon\upsilon\rho\epsilon\varsigma$ $\mu\epsilon$, $\tau\upsilon\epsilon\upsilon\mu\acute{\alpha}$ $\mu\omicron\upsilon$, но $\epsilon\upsilon\rho\epsilon\varsigma$ $\mu\epsilon$, $\tau\upsilon\epsilon\upsilon\mu\alpha$ $\mu\omicron\upsilon$. Стевенсонъ доказываетъ это изученіемъ рукописнаго матеріала кондаковъ Романа и каноновъ. Только съ XV вѣка въ литургическихъ книгахъ начинаютъ встрѣчаться настоящія грамматическія ударенія. Причину этого можно видѣть въ исчезновеніи съ первыхъ вѣковъ христіанства различія между долгими и краткими слогами. Въ византійское время обличенное удареніе потеряло свой смыслъ; для византійскаго уха безразлично было произносить $\sigma\acute{\omega}\mu\alpha$ или $\sigma\omega\mu\alpha$, $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu$ или $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\nu$, $\chi\eta\tau\omicron\varsigma$ или $\chi\eta\tau\omicron\varsigma$ и др.

Первыя венеціанскія изданія богослужебныхъ книгъ, сдѣланныя на основаніи рукописей, не лишаютъ энклитическія слова ихъ ударенія въ вышеприведенномъ случаѣ. Позднѣйшія-же изданія, строго соблюдая грамматическія правила относительно энклитикъ, внесли большія неправильности въ размѣръ пѣснопѣвій. Надо сказать, что и самъ Питра въ своемъ изданіи *Analecta Sacra* придерживался въ данномъ случаѣ грамматики, хотя въ предисловіи и говорилъ, что односложныя энклитики послѣ $\rho\rho\epsilon\rho\iota\varsigma\rho\rho\epsilon\mu\epsilon\mu\alpha$ могутъ сохранять свое удареніе, если этого требуетъ размѣръ²⁾.

Соблюденъ правильное чередованіе удареній, пѣснопѣвцы иногда нарушаютъ и другія требованія грамматики. Іоаннъ Мавропъ (Іоаннес Маυροπυ), ехваитскій митрополитъ XI вѣка, въ своемъ канонѣ въ честь Ангела Хранителя даетъ слѣдующій примѣръ. Во второмъ тропарѣ авторъ поставилъ четыре раза союзъ $\acute{\sigma}\tau\alpha\nu$ съ сослагательнымъ наклоненіемъ, которое въ данныхъ глаголахъ могло имѣть уда-

1) См. Christ et Par. Anthologia. p. 170.

2) *Analecta Sacra*. Proleg. p. XC. canon. VIII.

реніе $\rho\rho\epsilon\rho\iota\varsigma\rho\rho\epsilon\mu\epsilon\mu\alpha$; но желая окончить и слѣдующій стихъ $\rho\rho\epsilon\rho\iota\varsigma\rho\rho\epsilon\mu\epsilon\mu\alpha$, онъ неожиданно въ зависимости отъ $\acute{\sigma}\tau\alpha\nu$ ставитъ изъявительное наклоненіе. Произошло это вслѣдствіе желанія автора сохранить тоническій размѣръ¹⁾.

Желаніемъ-же не нарушать чередованія удареній объясняется и то, что пѣснопѣвцы пишутъ иногда въ звательномъ надежѣ $\sigma\omega\tau\eta\rho$ и $\sigma\omega\tau\epsilon\rho$, $\mu\alpha\tau\eta\rho$ и $\mu\alpha\tau\epsilon\rho$, $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ и $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\epsilon\rho$. Пѣснопѣвцы въ превосходной степени именъ прилагательныхъ ставятъ иногда мужескій родъ вмѣсто женскаго; такъ, говорятъ, на примѣръ, $\delta\upsilon\sigma\omega\delta\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\tau\omicron\nu$ $\phi\theta\omicron\rho\acute{\alpha}\nu$, $\tau\eta\nu$ $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\tau\alpha\tau\omicron\nu$ $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\iota\nu$, $\tau\eta\nu$ $\acute{\alpha}\delta\epsilon\omega\tau\alpha\tau\omicron\nu$ $\gamma\nu\acute{\omega}\mu\eta\nu$. Впрочемъ, примѣры послѣдняго рода можно встрѣтить и въ классическихъ произведеніяхъ Гомера и Фукидида²⁾.

Односложныя слова, пишутся-ли они безъ ударенія ($\acute{\alpha}\tau\omicron\nu\omicron\iota$) или съ удареніемъ, могутъ произноситься въ пѣснопѣніяхъ по желанію самихъ пѣснопѣвцевъ, т. е. по требованію размѣра, или съ удареніемъ или безъ ударенія.

Иногда союзы, требующіе сослагательнаго наклоненія, на примѣръ $\acute{\alpha}\nu$, $\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\nu$, союзъ $\tau\epsilon\lambda\iota$ $\acute{\iota}\nu\alpha$, пѣснопѣвцами употребляются съ различными временами изъявительнаго наклоненія.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду вышеизложенныя отступленія отъ одного изъ основныхъ законовъ греческихъ средневѣковыхъ размѣровъ, можно въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ наблюдать одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній.

Это явленіе имѣетъ силу не только въ произведеніяхъ, написанныхъ тоническимъ размѣромъ, или, по выраженію Θεοδωρα Προδρομα $\delta\acute{\iota}\chi\alpha$ $\mu\epsilon\tau\rho\upsilon$, но и въ метрическихъ канонахъ. Разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить извѣстный ямбическій канонъ Іоанна Дамаскина на Рождество Христово; здѣсь ударенія стиховъ ирмоса буквально повторяются въ соответствующихъ стихахъ тропарей. Для примѣра приведемъ ирмосъ и слѣдующій за нимъ тропарь первой пѣсни канона³⁾.

1) Stevenson. p. 512—513.

2) Напр. Odyss. IV, 442: $\phi\omega\chi\acute{\alpha}\omega\nu$ $\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\rho\epsilon\rho\acute{\epsilon}\omega\nu$ $\delta\lambda\omicron\omega\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\delta\delta\mu\acute{\eta}$. Thucydides. III, 101: $\tau\acute{\alpha}\upsilon\tau\eta$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\delta\upsilon\sigma\sigma\beta\omicron\lambda\acute{\omega}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ η $\Lambda\omicron\chi\rho\acute{\iota}\varsigma$; III 89: $\beta\iota\alpha\acute{\iota}\omega\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ $\tau\eta\nu$ $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\chi\lambda\upsilon\sigma\iota\nu$; V, 110: $\acute{\alpha}\tau\omicron\rho\acute{\omega}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ η $\lambda\eta\psi\iota\varsigma$.

3) Christ et Par. Anthologia. p. 205. Конечно, при сравненіи нужно имѣть въ виду всѣ перечисленныя выше правила и отступленія.

Ирмосъ.

Ἐσωσε λαόν θαυματουργῶν δεσπό-
της

Υγρόν θαλάσσης κύμα χερσώσας
πάλαι

Ἐκὼν δὲ τεχνεὶς ἐκ κόρης, τρίβον
βατῆν

Πόλου τίθησιν ἡμῖν, ὃν κατ' οὐσίαν

Ἰσὸν τε πατρὶ καὶ βροτοῖς δοξάζο-
μεν.

Тропарь.

Ἦνεγκε γαστήρ ἡγιασμένη λόγον,

Σαρῶς ἀρλέκτω ζωγραφουμένη
βάτω,

Μιγέντα μορφῇ τῇ βροτησίᾳ θεόν,

Εὐας τάλαιναν νηδὺν ἀρᾶς τῆς πά-
λαι

Λύοντα πικρᾶς, ὃν βροτοὶ δοξάζο-
μεν.

Здѣсь мы привели только ирмосъ и одинъ тропарь первой пѣсни; но то же явленіе замѣчается во всемъ канонѣ.

Послѣ этого трудно отрицать такое послѣдовательное повтореніе удареній въ пѣснопѣніяхъ греческой церкви. Между тѣмъ ученый Кристь возстаётъ противъ этого положенія и говоритъ, что совпаденіе удареній бываетъ отнюдь не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ слогахъ¹⁾. Для доказательства онъ обращается къ музыкальнымъ нотамъ, которыя во многихъ рукописяхъ указываютъ мелодію ирмоса. Но выведенное изъ разсмотрѣнія этого новаго матеріала заключеніе Криста относительно того, что не всѣ ударенія стиха имѣютъ одинаковую силу, не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ самыя музыкальныя ноты того времени, на основаніи которыхъ ученый дѣлаетъ свои выводы, еще не достаточно изучены для того, чтобы на основаніи ихъ можно было строить какія-либо теоріи. Кромѣ того, развѣ вышеприведенная схолія Θεодосія Александрійскаго уже не даетъ для составленія пѣснопѣній точныхъ и опредѣленныхъ указаній?

Такимъ образомъ одинаковое съ ирмосомъ чередованіе удареній является первымъ изъ двухъ основныхъ законовъ ритмической церковно-греческой поэзіи.

Вторымъ основнымъ закономъ ритмической поэзіи является правило, чтобы число слоговъ въ тропаряхъ было одинаково съ числомъ слоговъ въ ихъ ирмосѣ. Но иногда замѣчается увеличеніе или уменьшеніе числа слоговъ въ известномъ стихѣ тропаря сравнительно съ соотвѣтствующимъ стихомъ ирмоса. Оказывается, что это явленіе можетъ быть только въ началѣ и въ концѣ стиха и съ тѣмъ только условіемъ, чтобы этимъ не нарушалось правиль-

1) Christ et Par. Proleg. p. LXXX sq.

ное чередованіе удареній. Дѣйствительно въ правильномъ текстѣ тропаря нельзя найти большаго или меньшаго числа слоговъ сравнительно съ ирмосомъ по весьма простой причинѣ: въ томъ и другомъ случаѣ былъ-бы нарушенъ правильный рядъ удареній. Если-же въ известномъ стихѣ есть лишній слогъ сравнительно съ соотвѣтствующимъ стихомъ ирмоса, то обыкновенно онъ служитъ дополненіемъ того слога, котораго недостаетъ въ началѣ слѣдующаго стиха; наоборотъ, если стихъ на одинъ слогъ короче соотвѣтствующаго стиха ирмоса, то этотъ недостающій слогъ обыкновенно можно найти въ лишнемъ слогѣ слѣдующаго стиха. По правиламъ размѣра церковныхъ пѣснопѣній тропарь, взятый въ цѣломъ, долженъ соотвѣтствовать по числу слоговъ своему ирмосу. Но чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ этомъ равномъ числѣ слоговъ тропаря съ ирмосомъ, нужно не всегда ихъ сравнивать стихъ за стихомъ. Это средство справедливо для опредѣленія ударенія; но для числа слоговъ иногда нужно сравнить тропарь весь цѣликомъ съ первою строфою, т. е. съ его ирмосомъ.

Иногда однако, особенно въ канонахъ, въ началѣ и концѣ стиха бываетъ однимъ слогомъ болѣе, чѣмъ въ первой строфѣ; при чемъ послѣдующій или предыдущій слогъ имѣетъ должное число слоговъ. Въ канонѣ Козьмы на Воздвиженіе Креста, во второмъ стихѣ четвертой строфы первой пѣсни, τοῦ σταυροῦ τὸ τρόπαιον послѣднее слово τρόπαιον, очевидно, имѣетъ лишній слогъ, такъ какъ послѣдующій стихъ полонъ, а остальные соотвѣтствующіе ему стихи въ первой, второй и третьей строфѣ этой пѣсни канона всѣ имѣютъ по шести слоговъ¹⁾. Такое же явленіе повторяется четыре раза въ очень древнемъ гимнѣ неизвѣстнаго автора, изданномъ Питрою²⁾. Подобныхъ примѣровъ можно много найти среди произведеній греческихъ пѣснопѣвцевъ. Это можетъ служить доказательствомъ того, что пѣснопѣвцамъ было позволено оканчивать иногда стихъ безразлично дактилемъ, или трохеемъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы этимъ не нарушался тоническій размѣръ.

Раньше мы сказали, что прибавка слога можетъ быть только въ концѣ стиха. Но въ одномъ известномъ Ὁ ὑψωθεὶς ἐν τῷ σταυρῷ ἐκουσίως во всѣхъ изданіяхъ такой лишній слогъ встрѣчается въ серединѣ четвертаго стиха, чѣмъ нарушается мелодія; въ стихѣ εὐφρανὸν ἐν τῇ

1) Christ. Anthologia. p. 161.

2) Pitra. Anal. Sacra. I, p. 432—464. См. p. 636, гдѣ указаны эти четыре неправильныхъ стиха.

δυνάμει σοῦ гармоническая послѣдовательность удареній нарушается интерполяціей слоговъ ἐν τῇ¹⁾.

Кромѣ всего этого, можно еще отмѣтить нѣсколько частныхъ въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ. У нихъ допускается зіяніе (hiatus); элизіей они пользуются лишь изрѣдка. Довольно часто въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ встрѣчаются сокращенія наиболѣе употребительныхъ словъ; такъ, вмѣсто Θεός, σωτήρ, Χριστός, σταυρός, ἄνθρωπος они пишутъ довольно часто Θε, στρ, Χς, στρς ἄνος; сложные слова, какъ Θεοτόκος, Χριστοφόρος, даже у лучшихъ пѣснопѣвцевъ считаются иногда трехсложными²⁾.

Но можетъ возникнуть вопросъ, довольно-ли двухъ условій, ударенія и числа слоговъ, чтобы называть произведенія греческихъ пѣснопѣвцевъ поэзіей. Можетъ быть, нѣсни канона со всѣми своими тропарями, составленными на основаніи двухъ вышеизложенныхъ законовъ, могутъ представлять изъ себя прозаическое произведеніе? Но противъ такого возраженія можно привести много доказательствъ.

Диакритическія точки, στίμαί, какъ называютъ ихъ схоластики, встрѣчающіяся въ рукописяхъ и въ старинныхъ изданіяхъ литургическихъ книгъ, которыя отдѣляютъ другъ отъ друга различныя части (κῶλα) тропаря и которыя повторяются послѣдовательно во всѣхъ строфахъ съ одинаковыми промежутками, не могутъ имѣть иного значенія, какъ дѣленія на стихи.

Но кромѣ этого, въ церковныя греческія пѣснопѣнія входятъ такіе три элемента, которые еще болѣе даютъ возможность считать произведенія пѣснопѣвцевъ не прозаическими; это — акростихъ, рима и рмосъ.

Акростихъ, явленіе очень обыкновенное въ церковной поэзіи, заключается въ томъ, что начальныя буквы строфъ или отдѣльныхъ стиховъ расположены намѣренно въ извѣстномъ порядкѣ³⁾. Самымъ раннимъ въ церковной поэзіи является акростихъ, представляющій изъ себя полный алфавитъ изъ 24 греческихъ буквъ. Пѣсня Παρθένιον мученика Меодія (+312 г.) состоитъ изъ 24 строфъ, изъ которыхъ

1) Stevenson, p. 512.

2) Pitra. An. S. I. Proleg. p. XCI—XCII. cap. XV и XVI.

3) Объ акростихѣ см. Pitra. Hymnographie de l'Église gr. p. 18—21, его-же An. S. I p. LXXV—LXXVIII; Stevenson, p. 525—531; Bouvy, p. 332—342; Krumbacher S. 336—339. Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitschrift für Kirchengeschichte. V (1882) S. 194—195).

первая начинается буквою Α, а послѣдняя Ω; начальныя буквы остальныхъ строфъ даютъ по порядку полный алфавитъ¹⁾. Такой-же акростихъ представляетъ изъ себя большой акаѳистъ Сергія, патріарха VII вѣка²⁾. Въ діоди Іоанна Дамаскина на Благовѣщеніе, т. е. въ пѣснопѣніи, состоящемъ изъ двухъ пѣсень³⁾, гдѣ передается разговоръ Богоматери съ Архангеломъ Гавріиломъ, первая пѣсня даетъ въ акростихѣ полный греческій алфавитъ съ Α до Ω; вторая-же обратно: въ ней первый стихъ начинается съ Ω, а послѣдній, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ послѣднихъ, буквою Α⁴⁾.

Но акростихъ не ограничивается однимъ алфавитомъ. Иногда въ акростихѣ является имя автора пѣснопѣнія или содержаніе послѣдняго, или, наконецъ, самостоятельные стихи. Акростихъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ примѣровъ, бываетъ и въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ, и въ канонахъ. Акростихи въ обыкновенныхъ пѣснопѣніяхъ бываютъ проще, нежели въ канонахъ. Первые представляютъ изъ себя или короткую прозаическую замѣтку объ авторѣ, или о предметѣ пѣснопѣнія, напр.: Τοῦ ταπεινοῦ Ῥωμανοῦ ὕμνος; Αἶνος Ῥωμανοῦ εἰς τὰ γενέθλια; Τοῦ ταπεινοῦ Στεφάνου и др.

Акростихъ-же канона представляетъ изъ себя иногда нѣсколько стиховъ; напр., 130 стиховъ извѣстнаго ямбическаго канона Іоанна Дамаскина на Рождество Христова изъ своихъ начальныхъ буквъ даютъ слѣдующее четверостишіе:

Εὐατίης μελέεσσιν ἐφύμνια ταῦτα λιγαίνει
 υἷα Θεοῦ, μερόπων εἴνεχα τιχτόμενον
 ἐν χθονὶ καὶ λύοντα πολύστονα πῆματα κόσμου·
 ἀλλ' ἄνα, ῥητήρος ῥύεο τῶνδε πόνων⁵⁾.

Интересный примѣръ акростиха даетъ канонъ Іоанна Евхантайскаго, подражавшаго пѣснопѣвцу IX вѣка Іосифу, въ честь котораго онъ составилъ восемь канонѣвъ. Іосифъ имѣлъ привычку скрывать

1) Пѣсь см. у Christ. Anthol. p. 33—37.

2) Christ. Anthol. p. 140—147.

3) Эта діодъ Іоанна Дамаскина сто лѣтъ спустя была дополнена пѣснопѣвцемъ св. Теофаномъ, который прибавилъ къ ней шесть первыхъ одъ и сдѣлалъ этимъ полный канонъ. См. Stevenson, p. 525. Въ Антологіи Креста напечатанъ весь канонъ подъ именемъ Теофана, хотя онъ и дѣлаетъ оговорку, что послѣднія двѣ оды принадлежатъ Іоанну Монаху. p. 236—242.

4) Christ. Anthol. p. 240—242. Нѣкоторые другіе примѣры подобнаго акростиха съ Α до Ω можно найти у Стевенсона, p. 526—528 и у Bouvy, p. 336—337.

5) Christ. Anthol. p. 205—209.

свое имя въ начальныхъ буквахъ девятой пѣсни канона. Стевенсонъ приводитъ неизданную девятую пѣснь одного изъ каноновъ Іоанна со слѣдующимъ акростихомъ: акростихъ перваго тропаря даетъ имя Ιωαννου, акростихъ втораго даетъ одною буквою меньше — ωαννου, акростихъ третьяго двумя буквами меньше — αννου, акростихъ четвертаго тремя буквами меньше — ννου и т. д., такъ что седьмой послѣдній тропарь начинается наконецъ одною буквою Υ¹⁾.

Обычай пѣснопѣвцевъ скрывать свои имена въ акростихѣ, иногда не приводитъ даже начальныхъ буквъ имени, а довольствоваться смиреннымъ акростихомъ въ родѣ Τοῦ πτωχοῦ, τοῦ ἀσώτου, τοῦ τυφλόου, какъ писалъ въ своихъ произведеніяхъ Θεодоръ Студитъ, очень затемняетъ исторію пѣснопѣвцевъ. Сухія собственные имена, получаемыя изъ акростиха, ничего не даютъ для свѣдѣній объ авторахъ; къ тому же такихъ именъ, какъ Θεодоръ, Γεωργίη, Ιωαννъ, было много среди пѣснопѣвцевъ. Стоитъ просмотрѣть первый томъ *Analecta Sacra* Питры, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторы очень большого числа пѣснопѣній совершенно неизвѣстны.

Въ отношеніи поэтическаго размѣра церковныхъ пѣснопѣній акростихъ можетъ замѣнить собою діакритическія точки, указывая на начало стиха; онъ можетъ принести пользу въ томъ случаѣ, если бы одинъ какой-нибудь стихъ выпалъ; неполный акростихъ сейчасъ укажетъ на исчезнувшій стихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ акростихъ, являясь вообще принадлежностью области поэзіи, еще разъ доказываетъ, что произведенія пѣснопѣвцевъ были произведенія поэтическія.

Риѣма тоже довольно часто встрѣчается въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ²⁾. Но въ болѣе раннихъ произведеніяхъ, напримѣръ, у Меодія († 312), Григорія Богослова († 389), мы ее не видимъ³⁾, между тѣмъ какъ въ IV вѣкѣ на Западѣ въ латинской церкви риѣма уже встрѣчается у Амвросія Медиоланскаго и у св. Августина. Одинаково риѣмы нѣтъ въ произведеніяхъ Фотія, императора Льва Мудраго и въ средневѣковыхъ греческихъ политическихъ стихахъ; въ послѣднихъ она появляется только въ XV вѣкѣ, какъ заимствование изъ романской поэзіи.

1) Stevenson, p. 528—530. Pitra въ Anal. S. I привелъ только первую строфу этой пѣсни; см. с. LXXVII—LXXVIII.

2) О риѣмѣ см. Stevenson, p. 531—537; Jacobi, S. 190—193; Βουβυ, p. 325—332; Krumbacher, S. 339—340.

3) Единичныя риѣмы изрѣдка встрѣчаются и у Григорія Богослова, но ихъ, кажется, можно объяснить случайностью. См. Jacobi, S. 192.

Но зато въ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ VI, VII, VIII и даже начала IX вѣковъ можно найти много примѣровъ риѣмованныхъ стиховъ. Прекрасныя произведенія Романа Сладкопѣвца могутъ дать не одинъ примѣръ риѣмы. Въ его поэтической рождественской пѣсни риѣмы слѣдуютъ черезъ стихъ.

Ἦ παρθένος σήμερον
τὸν ὑπερούσιον τίχτει,
καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον
τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει·
ἄγγελοι μετὰ ποιμένων
δοξολογοῦσι·
μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος
ὁδοιποροῦσι·
δι' ἡμᾶς γὰρ ἐγεννήθη
παιδίον νέον,
ὁ πρὸ αἰώνων Θεός¹⁾.

Еще болѣе осязательный примѣръ риѣмованныхъ стиховъ Романа можно привести изъ его пѣснопѣнія объ Іудѣ Предателѣ²⁾; для примѣра возьмемъ третью строфу.

Τίς ἀκούσας οὐκ ἐνάρκησε,
ἢ τίς θεωρήσας οὐκ ἐτρόμασε
τὸν Ἰησοῦν δόλῳ φιλούμενον,
τὸν Χριστὸν φθόνῳ πωλούμενον,
τὸν Θεὸν γνώμῃ κρατούμενον;
ποία γῆ ἤνεγκε τὸ τόλμημα;
ποία δὲ θάλασσα ὑπέμεινε,
ἄρῳσα τὸ ἀνοσιούργημα;
πῶς οὐρανὸς ὑπέστη,
πῶς ὁ αἶθρ' συνέστη,
πῶς δὲ ὁ κόσμος ἔστη,
συμφωνουμένου, πωλουμένου,
τότε προδιδομένου τοῦ κριτοῦ;
Ἰλεως, Ἰλεως, Ἰλεως γενοῦ ἡμῶν...

1) Pitra. Anal. S. I, p. 1. Stevenson, p. 532. Christ. Auth., p. 91.

2) Pitra. Anal. S. I, p. 92—100.

Какъ примѣръ рифмованныхъ стиховъ VII вѣка можно привести отрывокъ изъ знаменитаго акаѳиста, приписываемаго патріарху Сергію, Τῷ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ¹⁾; приведемъ вторую строфу, начиная съ возгласа χαῖρε.

Χαῖρε, δι' ἧς ἡ χαρὰ ἐκλάμψει·	Χαῖρε, ὅτι βαστάζεις
χαῖρε, δι' ἧς ἡ ἀρὰ ἐκλείψει·	τὸν βαστάζοντα πάντα·
χαῖρε, τοῦ πεσόντος	χαῖρε, ἀστῆρ
Ἄδαμ ἡ ἀνάκλησις·	ἐμφαίνων τὸν ἥλιον·
χαῖρε, τῶν δακρῶν	χαῖρε, γαστήρ
τῆς Εὐας ἡ λύτρωσις.	ἐνθέου σαρκώσεως·
χαῖρε, ὕψος δυσανάβατον	χαῖρε, δι' ἧς
ἀνθρωπίνοις λογισμοῖς·	νεουργεῖται ἡ κτίσις·
χαῖρε, βάθος δυσθεώρητον	χαῖρε, δι' ἧς
καὶ ἀγγέλων ὀφθαλμοῖς·	βρεφουργεῖται ὁ κτίστης·
χαῖρε, ὅτι ὑπάρχεις	χαῖρε, νύμφη ἀνύμφευτε.
βασιλέως καθέδρα·	

Для VIII вѣка приведемъ примѣръ изъ пятой пѣсни канона Козьмы въ Великую Субботу²⁾; этотъ примѣръ интересенъ тѣмъ, что въ пятой пѣсни этого канона рифмуются два первые стиха каждаго изъ четырехъ тропарей.

Два первые стиха перваго тропаря:

συνεσχέθη,
ἀλλ' οὐ κατεσχέθη.

Два первые стиха втораго тропаря:

ἀνηρέθης,
ἀλλ' οὐ διηρέθης.

Два первые стиха третьаго тропаря:

Вροτοκτόνον,
ἀλλ' οὐ θεοκτόνον.

Два первые стиха четвертаго тропаря:

Βασιλεύει,
ἀλλ' οὐκ αἰωνίζει.

1) Pitra. An. S. I, p. 250—262. Christ. Anthol., p. 140—147.

2) Christ. Anthol., p. 196—201.

Въ пѣснопѣніяхъ монахини Касіи¹⁾, жившей, по всей вѣроятности, въ первой половинѣ IX вѣка, можно также найти примѣры рифмъ; приведемъ начало ея самогласна (ιδιόμελον)²⁾ на Рождество Христово³⁾.

Αὐγούστου μοναρχήσαντος ἐπὶ τῆς γῆς
ἡ πολυαρχία τῶν ἀνθρώπων ἐπαύσατο·
καὶ σοῦ ἐνανθρωπήσαντος ἐκ τῆς ἀγνῆς
ἡ πολυθεία τῶν εἰδώλων κατήργηται.

Итакъ, рифма встрѣчается довольно часто у пѣснопѣвцевъ съ VI по начало IX вѣка. Они рифмуютъ слова съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, при чемъ созвучіе является лишь въ одной послѣдней буквѣ; такъ πιστοὶ рифмуется съ πολλοί, στολή со στοργή, ὑψηλός съ ταπεινός⁴⁾. Въ словахъ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ или на третьемъ отъ конца пѣснопѣвцы рифмуютъ иногда одинъ послѣдній слогъ, напримѣръ, βαρβάρου съ βορβόρου, παύσασα съ ἀπαλλάττουσα⁵⁾, а иногда рифмуютъ всю часть слова до ударенія, напримѣръ, νικητήρια съ εὐχαριστήρια, ἐμωράνθησαν съ ἐμαράνθησαν, φθορέα со σπορέα⁶⁾. Иногда же соотвѣтствіе двухъ строкъ состоитъ только въ одинаковомъ удареніи; напримѣръ:

Ἄγγελος πρωτοστάτης
οὐρανῶθεν ἐπέμφθη⁷⁾.

Наконецъ ирмосъ является главною мелодіею пѣснопѣній, будутъ-ли они псалмы, каноны или отдѣльныя строфы; ирмосъ управляетъ тропаремъ⁸⁾. И дѣйствительно, если мы сравнимъ ирмосъ и

1) Κασία или Κασιανή; а можетъ быть ее еще называли Βικασία. См. Christ. Anthol., p. XLVIII—XLIX.

2) Пѣснопѣнія, называемыя у насъ самогласны, по-гречески называются αὐτόμελα и ἰδιόμελα. Αὐτόμελα — пѣснопѣнія, имѣющія свой размѣръ и напѣвъ и сдѣлавшіяся образцами для подобныхъ имъ пѣсень; ἰδιόμελα — такіе же автомелы, только не сдѣлавшіяся образцами для другихъ.

3) Christ. Anthol., p. 103.

4) Pitra. An. S. I, p. 257. Примѣры взяты изъ акаѳиста патр. Сергія. Pitra. An. S. I, p. 250—262.

5) Ibid., p. 255.

6) Ibid., p. 250, 258—259, 260.

7) Ibid., p. 250.

8) См. уже упомянутое выше опредѣленіе ирмоса Зонарой: Ὁ μὲν οὖν εἰρμός ἐρμονία τίς ἐστι μέλους προωρισμένη τε καὶ προεγνωσμένη..., πρὸς ἣν... τὰ τροπάρια ἀνα-

правильно составленный на основаніи этого ирмоса тропарь, то мы всегда найдемъ и одинаковое количество слоговъ, и одинаковое чередованіе удареній. Такимъ образомъ отъ ирмоса зависитъ въ тропарѣ мелодія, число слоговъ и удареніе. Кроме того, ирмосъ помогаетъ намъ дѣлать тропари на стихи, хотя въ рукописяхъ послѣдніе обыкновенно указываются диакритическими точками. «Мы спрашиваемъ, восклицаетъ Стевенсонъ, возможно-ли было встрѣтить послѣдовательно въ восемнадцати тропаряхъ такія правильныя, рѣзкія особенности, если-бы эти тропари были простая проза? Прибавьте, что то же самое явленіе проходитъ черезъ 700 страницъ Analesta; еще болѣе, черезъ 20 томовъ греческой гимнографіи. Пожалуй, мы припишемъ случаю такое чудесное совпаденіе? Но тогда, пожалуй, можно разсматривать, какъ дѣло случая, и стихи Иліады и Энеиды»¹⁾.

Собраніе такихъ ирмосовъ-мелодій составляетъ книгу, извѣстную подъ названіемъ Ирмологій (Εἰρμολόγιον). Свида не понималъ заглавія этой книги и въ своемъ словарѣ говоритъ про нее: Εἰρμολόγιον βιβλίον τι. По указанію Guérin, автора книги «Description de l'île de Patmos», извѣстно, что рукопись ирмологія находится въ Патмосской библіотекѣ (Cod. 206). Въ нынѣшнемъ столѣтіи грекъ Іоаннъ Лампадарій въ 1856 году издалъ эту книгу уже третьимъ изданіемъ²⁾. Но въ этой книгѣ, по крайней мѣрѣ, во второмъ ея изданіи, было-бы напрасно искать прекрасныя ирмосы изданнаго Питрою Тропология.

Въ книгѣ Лампадарія нужно было-бы прибавить, по крайней мѣрѣ, 400 или 500 пропущенныхъ имъ ирмосовъ. Собираніемъ матеріаловъ къ изданію по возможности полнаго ирмологія уже давно занимается не разъ упоминаемый нами августинецъ Βουβυ³⁾.

Очень часто въ болѣе древнихъ произведеніяхъ пѣснопѣвцевъ до появленія канона въ концѣ тропарей встрѣчаются припѣвы (ἐφύμνιον, ἀκροτελεύτιον, ἀκρόστιχον, ὑπαχοή⁴⁾), у Свида ἀνακλώμενον). Эта часть тропаря, которую пѣлъ весь народъ, является, можетъ быть, зерномъ,

φέρται... οἶον: γὰρ ἀρχὴ τῶν τροπαρίων ἐστὶ καὶ κανόνων. Объ ирмосѣ: Pitra. An. S. I, p. LIV—LXVIII. Christ. Anthol., p. LX. Stevenson, p. 537—540. Jacobi, S. 183. Βουβυ, p. 253 sq. Krumbacher, S. 334—335.

1) Stevenson, p. 539—540.

2) Christ. Prol., p. LXXII.

3) См. въ его книгѣ Poètes et Mélodes главу Projet d'Irmologe (p. 342—348).

4) Позднѣе ὑπαχοή потеряло это свое первоначальное значеніе и стало означать собою торжественный тропарь, во время чтенія котораго не дозволялось сидѣть. Pitra. An. S. I, p. LXXIV. См. арх. Веніамина. Новая Скрижаль. 14 изд. 1884, стр. 113.

изъ котораго выросла церковная пѣснь. Очень вѣроятно, что первоначально церковныя пѣсни были не что иное, какъ распространенныя народныя восклицанія. Припѣвы въ началѣ пѣль не одинъ человекъ, а весь слушавшій народъ, почему часто въ пѣснопѣніяхъ передъ припѣвомъ стоятъ глаголы βῶν, κράζειν, κραυγάζειν, ᾄδειν и др. Въ позднѣйшихъ канонахъ припѣвы встрѣчаются уже гораздо рѣже. Съ этими припѣвами можно сравнить громкія обращенія народа къ императорамъ во время ихъ официальныхъ выходовъ, въ циркѣ, на ипподромѣ¹⁾.

Здѣсь мы изложили главнѣйшія положенія, выставленныя Питрою въ совершенно новомъ для его времени вопросѣ о размѣрѣ церковныхъ пѣснопѣній. Это была совершенно новая, невѣдомая область для изученія. «Сколько ученыхъ и критиковъ, говоритъ одинъ изъ біографовъ Питры²⁾, упрекали церковь за то, что она будто бы не сумѣла сохранить правилъ античной поэзіи и допустила литературу снизойти до варварства! Питра же доказываетъ, что церковь въ данномъ случаѣ содѣйствовала той великой литературной революціи, которая поэзію просодическую смѣнила поэзіей силлабической, основанной на удареніи, написанной, можетъ быть, менѣе изысканнымъ слогомъ, но зато болѣе выразительнымъ и живымъ, — однимъ словомъ, болѣе народнымъ».

Интересенъ взглядъ самого Питры на то, почему силлабическій размѣръ одержалъ верхъ въ церковной поэзіи. Около IX вѣка большая часть церковныхъ пѣсенъ была уже составлена. Во все время до IX вѣка ересь являлась величайшею опасностью для церковнаго міра. «Не разъ, говоритъ Питра, восточный міръ съ удивленіемъ чуть не видѣлъ себя аріаниномъ или несторіаниномъ, якобитомъ или иконоклястомъ». Но церковь могла побѣдоносно выйти изъ этой борьбы только послѣ послѣдней сильной ереси, — именнo ереси иконоборческой. «Предположимъ, продолжаетъ Питра, что защитники вѣры собрались вмѣстѣ для совѣщанія относительно этого важнаго вопроса; они могли бы сказать: вотъ уже восемь вѣковъ, какъ новаторы размножаются, и вѣра народная колеблется. Прекратимъ эти новшества, опредѣлимъ эту вѣру общественными молитвами, но удалимъ изъ этой священной поэзіи неопредѣленные размѣры двусмысленной и измѣнчивой

1) Pitra. An. S. I, p. LXXII—LXXV. Krumbacher, S. 335—336.

2) Cabrol. Histoire du card. Pitra, p. 265 = Revue des facultés catholiques. Février 1898, p. 344—345.

поэзіи древнихъ. Установимъ настолько строгія и точныя границы, чтобы всѣ могли ихъ охранять, чтобы не было возможности ни прибавить, ни убавить хоть одного слога безъ того, чтобы этого не замѣтилъ даже самый послѣдній вѣрующій. Пусть не только форма, пѣніе, начальныя буквы запечатлѣваются въ памяти, но пусть всѣ слоги будутъ сосчитаны и опредѣлены. Если-бы мы должны были привести слова Божественнаго Писанія, то пусть всѣ его элементы остаются въ порядкѣ, угодномъ Богу; ни одна іота не должна быть перемѣщена». Съ помощью такихъ опредѣленныхъ и строгихъ законовъ, надѣялись воспрепятствовать внесенію въ церковную жизнь какихъ-либо еретическихъ раздоровъ. «Въ самомъ дѣлѣ, прибавляетъ Питра, нужно замѣтить, что съ того момента, какъ гимнографія окончательно сформировалась, большія ереси или прекратились, или перестали быть популярными¹⁾. Конечно, вышеприведенное разсужденіе почтеннаго кардинала грѣшитъ нѣсколько односторонностью и субъективизмомъ и не можетъ быть принято, какъ дѣйствительное основаніе того, почему тоническій размѣръ устоялся²⁾».

IV.

Происхожденіе ритмической поэзіи.

Вопросъ о происхожденіи ритмической поэзіи принадлежитъ къ числу весьма темныхъ, до сихъ поръ еще неразъясненныхъ въ наукѣ вопросовъ. Ученые расходятся въ своихъ мнѣніяхъ и выставляютъ двѣ главныя гипотезы: одни выводятъ ритмическую поэзію изъ греческаго языка, такъ что считаютъ ее національнымъ греческимъ продуктомъ; другіе видятъ въ ней вліяніе семитическихъ народовъ, которые будто-бы передали ритмическій строй своей церковной поэзіи церкви греческой.

1) Pitra. Hymnographie de l'Eglise grecque. p. 26. Cabrol. Hist. du C. Pitra. p. 265—267 = Revue des facultés catholiques. Février. 1893. p. 345—346. Ловягинъ въ Христ. Чтеніи. 1876 стр. 463—464.

2) Еще Крестъ замѣтилъ слабую сторону этого разсужденія Питры, сказавъ: plane vero recta via Pitra aberravit, quod nimio ardore fidei catholicae defendendae inflammatus byzantinos melodos hac paris numeri syllabarum lege constituta cavisse dixit, ne verbis adjectis aut omissis sua placita interpolari et in contrariam partem detorqueri possent. Christ. Anthol. p. LXXVI.

Относительно гипотезы о происхожденіи ритмической поэзіи изъ греческаго языка ученые также придерживаются различныхъ мнѣній.

По мнѣнію однихъ, ритмическая, т. е. основанная на обычномъ удареніи словъ поэзія уже въ давнія времена существовала среди простаго, необразованнаго греческаго народа параллельно съ просодической поэзіей, которая была достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ общества. Этому мнѣнію, не подтверждаемаго никакими вѣскими доказательствами, придерживается, повидимому, Стевенсонъ. По его словамъ, удареніе всегда было душою народной поэзіи; оно одно дѣйствовало на массы и вызывало восклицанія и свистки амфитеатра; поэтому въ эпоху литературнаго упадка Греціи и Рима удареніе, игравшее такую важную роль въ ритмической поэзіи, не являлось чѣмъ-либо новымъ, неожиданнымъ; этотъ принципъ, всегда жившій въ народѣ, былъ только затертъ аристократической просодіей классиковъ и теперь занялъ подобающее мѣсто, котораго онъ долгое время былъ лишенъ¹⁾. Но эти разсужденія, не подтвержденные документальными данными, конечно, не могутъ имѣть силы даже приблизительной исторической истины, а потому тѣмъ менѣе могутъ служить къ разрѣшенію такого важнаго вопроса, какъ происхожденіе ритмической поэзіи. Другіе сторонники этой гипотезы приводятъ слѣдующее объясненіе. Когда различіе между долгими и краткими слогами мало-по-малу начало исчезать, и въ живомъ разговорномъ языкѣ преобладаніе получило удареніе словъ, тогда взамѣнъ прежней просодической поэзіи явилась само собою поэзія ритмическая. Но если допустить, что ритмическая поэзія заняла мѣсто поэзіи древней, просодической, то можно было-бы ожидать, что вмѣсто долгихъ и краткихъ слоговъ появятся слоги съ болѣе сильнымъ и слабымъ удареніемъ, т. е. тогда на основаніи новаго принципа ударенія стали-бы подражать древнимъ ямбическимъ, трохайскимъ и другимъ размѣрамъ. Но на самомъ дѣлѣ въ ритмической поэзіи нѣтъ и слѣда подражанія какому-либо размѣру просодической поэзіи. Дѣйствительное подражаніе классическимъ образцамъ можно видѣть въ политическихъ стихахъ; но послѣдніе появились тогда, когда ритмическая поэзія достигла уже полнаго своего расцвѣта²⁾. Такимъ образомъ и вторая гипотеза, противорѣча фак-

1) Stevenson. op. c. p. 520.

2) Meyer. Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung (Abhandlungen der philos.-philolog. Classe der königl. bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884 (17) S. 371). Bouvy. p. 322. Krumbacher. S. 341—342.

тамъ, не можетъ считаться удовлетворительной. Къ выдающимся сторонникамъ этого мѣнія принадлежитъ извѣстный ученый Крестъ¹⁾, а за нимъ уже Deutschmann²⁾ и грекъ Купиторисъ³⁾. Они, изучая произведенія византийской гимнографіи, выводятъ размѣры послѣдней изъ произведеній греческихъ лириковъ, Алкея, Пиндара и другихъ. Кавчинскій также утверждаетъ, что ритмическое стихосложеніе ясно можно вывести изъ классической поэзіи⁴⁾.

Такимъ образомъ гипотезы, выводящія ритмическую поэзію изъ греческаго языка, не могутъ считаться рѣшающими въ вопросѣ о ея происхожденіи.

Но уже со времени кардинала Питры за рѣшеніемъ этого вопроса ученые стали обращать свои взоры на Востокъ къ семитическимъ народамъ. Сначала ученые довольствовались общими предположеніями и указаніями; но позднѣе нашлись и такіе, которые посвящали этому вопросу спеціальныя труды. Выставили такое положеніе, что ритмическая церковная поэзія не есть оригинальное произведеніе эллинскаго духа; что семитическіе христіане, находясь ближе къ первоисточнику христіанства, чѣмъ греки и латиняне, передали послѣднимъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и ритмическую форму поэзіи.

Уже самъ знаменитый Питра понималъ важность изученія для даннаго вопроса гимнографіи сирійцевъ, халдеевъ, армянъ, коптовъ, которые могли быть если не предшественниками византийскихъ пѣснопѣвцевъ, то, по крайпей мѣрѣ, болѣе надежными хранителями древнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній. Далѣе Питра считалъ важнымъ изученіе библейской гимнографіи, пѣснопѣній древняго Израиля, откуда первые византийскіе пѣснопѣвцы могли дѣлать неоднократныя заимствованія⁵⁾. Важность изученія вышеназванныхъ семитическихъ размѣровъ признаетъ и Стевенсонъ⁶⁾.

Слова Питры не пропали даромъ.

Профессоръ Инсбрукскаго университета оріенталистъ Биккель занялся изученіемъ библейско-еврейскихъ и сирійскихъ размѣровъ.

1) Christ. Anthol. p. 88—90, 95, 104.

2) Deutschmann. De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. Programm. Coblenz. 1889. p. 4, 29.

3) Kupitoris. Περί τοῦ ῥυθμοῦ (Bull. de Corresp. Hellénique 1878 (II) p. 386).

4) M. Kawczyński. Essai comparatif sur l'origine et l'histoire des rythmes. Paris. 1889. p. 139.

5) Pitra. Hymnographie de l'Eglise Grecque. p. 33—34; ego же Anal. Sacra. Prol. p. LIII.

6) Stevenson p. 540.

Относительно еврейской метрики онъ пришелъ къ тому результату, что она подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и греческая, т. е. основывается на числѣ слоговъ, а не на ихъ долготѣ и краткости, на равномерномъ чередованіи слоговъ съ удареніемъ со слогами безъ ударенія, на тождествѣ метрическаго и грамматическаго ударенія и на соединеніи нѣсколькихъ стиховъ въ равномерно повторяющіяся строфы¹⁾. Занимаясь произведеніями Ефрема Сирина, Биккель уже въ своемъ изданіи сирійскаго подлинника его сочиненій съ ихъ латинскимъ переводомъ во введеніи старался опредѣлить главнѣйшіе размѣры сирійской поэзіи²⁾.

Но особенно большое впечатлѣніе на ученыхъ произвело вышедшее въ 1884 году изслѣдованіе Мейера «Начало и происхожденіе латинской и греческой ритмической поэзіи»³⁾.

Исходя изъ того положенія, что, пока ученые искали началъ ритмической поэзіи въ греческомъ языкѣ, они не выходили изъ круга загадокъ и противорѣчій, Мейеръ дѣлаетъ предположеніе, что она является продуктомъ не собственной страны, а есть подражаніе поэзіи чужого народа. Такой народъ жилъ на Востокѣ; это были семитическіе христіане.

На основаніи произведеній Ефрема Сирина Мейеръ дѣлаетъ заключеніе, что мелодіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній заимствованы первоначально отъ сирійцевъ. Главные элементы, изъ которыхъ состоитъ греческая ритмическая поэзія, можно найти у сирійцевъ.

1) Bickell. Metricae Biblicae regulae exemplis illustratae. Innsbruck. 1879. p. 3. См. Bouvy. p. 10. Биккель приписываетъ свое открытіе Питрѣ: rectam viam jam a. 1868 Pitra in libro Hymnographie demonstraverat. (Metr. Bibl. p. 3). Смѣлый выводъ Биккеля подвергся, конечно, строгой критикѣ. См. напр. Schlottmann. Zur semitischen Epigraphik. (Zeitsch. d. Morg. Ges. B. XXXIII. 1879. S. 278—279. Anm. 2). Отвѣтъ ему Биккеля въ томъ же томѣ того же журнала стр. 701—706. Послѣ этого Биккель новыми примѣрами подтверждалъ свою теорію. См. ego Die hebräische Metrik. (Zeit. d. Morg. Ges. B. XXXIV. 1880. S. 557—563; B. XXXV. 1881. S. 415—422). Древне-еврейской метрикой интересовались и въ русской ученой литературѣ. См. Олесницкій. Ритмъ и метръ ветхозавѣтной поэзіи. (Труды Кіевской Духовной Акад. 1872. III, стр. 242—294; 403—472; 501—592), гдѣ авторъ признаетъ въ еврейской поэзіи то-ническое стопосложеніе, но такое, въ которомъ ударяются не отдѣльные слоги, а цѣлыя слова (стр. 558—560).

2) Bickell. Carmina Nisibena. Lipsiae. 1866. О метрикѣ см. стр. 31—35. О сирійскихъ размѣрахъ писали и раньше; см. напр. Zingerle. Ueber das gemischte Metrum in syrischen Gedichten. (Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. VII 1850. S. 1—24; 185—196); см. еще Zeitsch. d. Morg. Ges. B. X S. 116—126.

3) Meyer. Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung. (Abh. der philos.-philolog. Classe der kön. bayern. Akad. der Wissenschaften. B. XVII. 1884. S. 267—450).

Сирийцы приучили грековъ и латинянъ не обращать вниманія на долготу и краткость слоговъ, изъ чего само собою вытекаетъ произношеніе по грамматическому ударенію слова, наоборотъ, обращать вниманіе на число слоговъ, составлять строфы изъ извѣстнаго количества стиховъ и соединять первыя съ помощью акростиха¹⁾; рифма также хорошо была извѣстна сирийцамъ. Такимъ образомъ вліяніе Ефрема Сирина сильно отражалось на церковныхъ произведеніяхъ грековъ и латинянъ; а построеніе строфъ въ его произведеніяхъ служило образцомъ для греческихъ пѣснопѣній.

Конечно, новое выставленное Мейеромъ положеніе о подражаніи греческой церковной ритмической поэзіи образцамъ семитическихъ народовъ не могло не вызвать многочисленныхъ возраженій.

Еще до появленія труда Мейера на основаніи прежнихъ изслѣдованій восточныхъ размѣровъ противъ заимствованія съ Востока и въ пользу греческаго происхожденія ритмической поэзіи высказался ученый Якоби²⁾.

Древесъ въ своей рецензіи на книгу Мейера³⁾, занимаясь почти исключительно вопросомъ о латинскихъ пѣснопѣніяхъ, высказывается противъ семитическаго вліянія на Западѣ. Размѣръ этихъ пѣснопѣній и рифма развились естественнымъ образомъ изъ римскаго народнаго стиха послѣднихъ временъ республики, который самъ явился результатомъ соединенія древне-латинскаго стиха съ греческимъ⁴⁾.

Ярымъ противникомъ теоріи Мейера является Кавчинскій, который, какъ мы упоминали выше, выводитъ ритмическій размѣръ изъ классическаго языка⁵⁾. Сирийская версификація останется всегда темнымъ вопросомъ. «Худой методъ, говоритъ Кавчинскій, желать объяснить вещь темную съ помощью другой еще болѣе темной». Мало того, на основаніи одного отрывка изъ византійскаго писателя XIV вѣка Никифора Каллиста Ксанопула Кавчинскій доказываетъ, что самъ знаменитый сирийскій пѣснопѣвецъ IV вѣка Ефремъ полагалъ въ основаніе своихъ пѣснопѣній черезъ посредство предшество-

1) Meyer. S. 377.

2) Jacobi. Zur Geschichte des griechischen Kirchenliedes. (Zeitsch. für Kirchengeschichte. B. V. 1882. S. 196).

3) Dreves. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1886. S. 284—293.

4) Dreves. S. 293. См. также небольшую рецензію на книгу Мейера въ Deutsche Literaturzeitung. 1885. B. VI. S. 894—896, гдѣ авторъ рецензіи высказываетъ мнѣніе аналогичное съ мнѣніемъ Древеса.

5) Kawczyński. Essai comparatif. См. особенно стр. 138—141.

вавшихъ ему сирийскихъ же поэтовъ-еретиковъ III столѣтія размѣръ, правда измѣненный, но подражавшій лирическимъ греческимъ размѣрамъ.

Такимъ же противникомъ Мейера является сторонникъ классическаго происхожденія ритмической поэзіи Deutschmann¹⁾.

Противъ ея заимствованія изъ чужой страны можно привести тотъ фактъ, что греческая ритмическая поэзія имѣетъ довольно длинную исторію свою развитія, переходя отъ болѣе слабыхъ, болѣе простыхъ образцовъ къ болѣе искуснымъ и сложнымъ. Если-бы вся ритмическая система была плодомъ простаго заимствованія, то можно было бы ожидать сразу уже вполне готовыхъ, сформировавшихся произведеній, подобно тому какъ было въ римской литературѣ, куда перешли греческіе готовые образцы. Противорѣчить также гипотезѣ заимствованія очень значительная разница между произведеніями греческой и латинской церковной поэзіи, чего, вѣроятно, не было-бы, если бы та и другая брала готовые образцы съ христіанскаго Востока. Можетъ быть, первоначальный и истинный источникъ происхожденія ритмической поэзіи нужно видѣть въ той ритмической прозѣ, которая встрѣчается у языческихъ свѣтскихъ авторовъ, еще болѣе у семидесяти толковниковъ и у христіанскихъ писателей. Знакомства такой прозы съ античной лирикой могло быть достаточно, чтобы привести къ ритмической поэзіи; знакомство же съ сирийско-еврейскимъ церковнымъ пѣніемъ могло содѣйствовать ускоренію этого перехода и повліять извѣстнымъ образомъ на направленіе этой поэзіи. Когда въ живомъ языкѣ исчезла разница между долготою и краткостью слоговъ, то само собою и поэзія должна была искать себѣ новую форму, которая и явилась въ видѣ ритмической прозы; послѣдняя же, получивъ дальнѣйшее развитіе, возвысилась до ритмической поэзіи²⁾. Проза, по выраженію Буви, сдѣлалась поэзіей сама собою, и пѣснопѣвцы стали поэтами³⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, что мнѣніе Мейера о происхожденіи греческой ритмической поэзіи изъ сирийской произвело большое впечатлѣніе на ученыхъ и вызвало дѣятельную полемику.

Какимъ же закономъ подчиняется сирийская метрика? Имѣетъ ли

1) Deutschmann. De poesis Graecorum rhythmicae usu et origine. 1889. p. 3—4, 23—25.

2) Krumbacher. S. 343.

3) Bouvy. Poètes et Mélodes. p. 273.

она какіе-нибудь твердые, опредѣленные законы, на основаніи сходства которыхъ съ законами греческой ритмической метрики можно было бы сдѣлать заключеніе о несомнѣнномъ заимствованіи послѣдней изъ первой¹⁾.

Начиная съ прошлаго столѣтія и кончая послѣднимъ временемъ, ученые относительно сирійской метрики пришли къ слѣдующему результату, что главный ея законъ заключается въ простомъ счетѣ слоговъ въ стихѣ. Однако надо помнить, что это мнѣніе, правда, вышло отъ самихъ сирійцевъ, но въ то время, когда они уже давно потеряли свой языкъ. Но такъ какъ относительно числа слоговъ въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ мнѣнія ученыхъ совершенно расходятся, то само собою разумѣется, что выставить простой счетъ слоговъ въ видѣ основного принципа сирійской метрики совершенно недостаточно. Тогда попытался разрѣшить это затрудненіе, предположивъ въ сирійской поэзіи поэзію ритмическую, главный законъ которой, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать никакого различія между удареніями прозы и поэзіи. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сирійскій языкъ представляетъ громадныя трудности: удареніе въ сирійскихъ словахъ въ точности неизвѣстно.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ ориенталистовъ Нольдеке говоритъ²⁾: «объ удареніи сирійскаго языка во время его процвѣтанія мы ничего не знаемъ. Несторіане теперь дѣлаютъ довольно опредѣленное удареніе на предпоследнемъ слогѣ. Но это есть отнюдь не первоначальное произношеніе». Итакъ, изъ этого вытекаетъ лишь то, что нынѣшніе сирійцы дѣлаютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ.

Но все-таки на основаніи изученія сирійскихъ поэтическихъ произведеній, преимущественно Ефрема Сирина, относительно законовъ ударенія въ сирійскихъ словахъ, можно отмѣтить слѣдующія особенности.

I) Слова изъ двухъ и болѣе слоговъ, будутъ ли эти слова произведены прямо отъ корня или съ помощью префиксовъ и суффиксовъ,

1) Grimme. Grundzüge der syrischen Betonungs- und Verslehre (Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft. B. 47 (1893) S. 276—308); его же Der Strophenbau in den Gedichten Ephraïms des Syrers. (Collectanea Friburgensia. Fasc. II 1893). Въ послѣднемъ сочиненіи можно найти многочисленныя примѣры самыхъ разнообразныхъ схемъ въ строфахъ Ефрема Сирина (стр. 17—75).

2) Nöldeke. Kurzgefasste Syrische Grammatik. S. 38. Cp. Nestle. Syrische Grammatik. 2 Auflage. 1888 S. 16.

имѣютъ удареніе на предпоследнемъ слогѣ; многосложныя иностранныя слова также подчиняются этому закону.

II) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ односложное, то тамъ, гдѣ послѣднее слово должно разсматриваться, какъ энклитика, удареніе переносится на послѣдній слогъ многосложнаго слова.

III) Если за многосложнымъ словомъ слѣдуютъ двѣ энклитики, то главное удареніе падаетъ обыкновенно на первую изъ нихъ; но, кромѣ того, предпоследній слогъ многосложнаго слова также можетъ имѣть въ этомъ случаѣ въ стихѣ усиленіе голоса.

IV) Въ четырехсложномъ словѣ или болѣе усиленіе голоса можетъ быть на слогѣ четвертомъ отъ конца.

Итакъ, въ болѣе древнее время, еще до появленія дошедшихъ до насъ произведеній сирійской литературы, удареніе въ словахъ было на послѣднемъ слогѣ; въ историческое-же время сирійскаго языка удареніе обыкновенно падаетъ на предпоследній слогъ; но иногда удареніе попережнему бываетъ и на послѣднемъ слогѣ, именно когда непосредственно за многосложнымъ словомъ слѣдуетъ тѣсно примыкающее къ нему по смыслу односложное, т. е. энклитика, о чемъ мы уже упоминали выше.

Обыкновенно сирійскія поэтическія произведенія дѣлятся на два разряда: мемре и мадреше; по крайней мѣрѣ такъ ихъ дѣлитъ самъ Ефремъ Сиринъ. Слово мемре можно перевести черезъ стихотворное поученіе (проповѣдь, надгробная рѣчь, элегія), а мадреше черезъ гимнъ (хвалебныя, дидактическія, полемическія стихотворенія). Основное различіе этихъ двухъ видовъ сирійскихъ поэтическихъ произведеній заключается въ ихъ передачѣ. Мемре предназначались для произношенія ихъ однимъ лицомъ; поэтому простота и ясность мыслей, отсутствіе длинныхъ періодовъ и различныхъ искусственныхъ украшеній въ видѣ рѣмы и акростиха составляютъ отличительныя признаки этого рода поэтическихъ произведеній; само собою разумѣется, въ мемре нѣтъ и припѣва, такъ какъ при ихъ исполненіи хоръ отсутствовалъ. Мадреше-гимны предназначались для пѣнія хоромъ и обладали поэтому гораздо болѣе сложной композиціей, чѣмъ мемре. Въ мадреше часто мѣнялся размѣръ; одна строфа писалась однимъ размѣромъ, другая другимъ. Отдѣльныя строфы, состоя изъ двухъ до шести стиховъ, различались или по размѣру, или по своему содержанію, такъ какъ онѣ обыкновенно заключали въ себѣ какую-нибудь одну законченную мысль, а иногда, впрочемъ, и рядъ послѣднихъ. При-

пѣвъ являлся необходимою составною частью каждаго сирійскаго гимна. Припѣвъ бываетъ или постоянный, или мѣняющійся: первый состоитъ въ повтореніи одной и той же фразы въ концѣ каждой строфы, — второй же болѣе или менѣе мѣняется.

Однимъ изъ частыхъ искусственныхъ украшеній сирійскихъ гимновъ является акrostихъ. Чаще всего онъ состоитъ изъ 22 буквъ сирійскаго алфавита, который можетъ идти и въ обратномъ порядкѣ. На ряду съ акrostихомъ этого рода въ произведеніяхъ Ефрема встрѣчается неизвѣстный до того времени именной акrostихъ. Двѣнадцать разъ въ произведеніяхъ Ефрема встрѣчается акrostихъ съ его именемъ. Очень рѣдко встрѣчается у Ефрема заглавный акrostихъ; такъ напр., въ одномъ его гимнѣ акrostихъ даетъ слово мадреше ¹⁾. Рима также нерѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ Ефрема.

Но теорія Мейера не осталась безъ защитниковъ и продолжателей.

Въ самое послѣднее время Гримме, занимаясь вопросомъ о связи между сирійскими и византійскими формами гимновъ, на основаніи весьма серьезнаго изученія сирійской метрики приходитъ къ любопытнымъ результатамъ. По его мнѣнію, даже Григорій Богословъ, современникъ Ефрема, въ своихъ двухъ написанныхъ не классическимъ размѣромъ произведеніяхъ, *Ἕμνος ἐσπερινός* и *Πρὸς τὰρθέον παραμετιχός*, подражалъ формѣ меме у Ефрема ²⁾. Послѣ внимательнаго сопоставленія различныхъ греческихъ церковныхъ пѣснопѣній съ сирійскими схемами Гримме дѣлаетъ слѣдующее многозначительное заключеніе: «всѣ эти изслѣдованія должны только еще подтвердить тотъ результатъ, что византійская гимнологія должна разсматриваться, какъ дочь сирійской» ³⁾.

Конечно, всѣ неречисленныя работы внесли большое оживленіе въ науку, дали сильный толчекъ изученію любопытнаго вопроса о происхожденіи греческихъ церковныхъ пѣснопѣній; но, къ сожалѣнію, труды эти не привели къ его разрѣшенію. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса при настоящемъ положеніи историко-филологической науки и не представляется возможнымъ.

Отсутствіе прямыхъ, осязательныхъ доказательствъ о происхо-

жденіи ритмической поэзіи изъ греческаго языка, малая разработка, а потому и весьма недостаточное знакомство съ древне-еврейскими размѣрами, — наконецъ, многія темныя, еще до сихъ поръ невыясненныя стороны столь важной и интересной для нашего вопроса сирійской метрики, — все это позволяетъ считать этотъ вопросъ открытымъ и надѣяться, что, благодаря новымъ успѣхамъ исторической науки, ученые все болѣе и болѣе станутъ приближаться къ истинѣ и кончатъ свои труды полной разгадкой этого интереснаго, но запутаннаго вопроса.

А. Васильевъ.

1) Grimme. Collectanea Frib. II, s. 15.

2) Grimme. ibidem. S. 81. Мейеръ видѣлъ въ этихъ произведеніяхъ ритмическій гекзаметръ (op. cit. S. 314—315).

3) Grimme. ibidem. S. 95.